

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г. п.

№ 2

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРОФ. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. АНАРХИЗМЪ.

ПЕТРЪ РЫССЪ. ИЗЪ ИСТОРИИ 1848 ГОДА.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. «МЫ ВОЕННЫЕ...»

ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. ДЕМОКРАТІЯ.

ВЛАД. ХОДАСЕВИЧЪ. БЕЗГЛАВЫЙ ПУШКИНЪ.

С. Г. ЧАЛХУШЬЯНЪ. НАШЕ ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. СТРАШНОЕ СЛОВО.

Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Н. Н. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Б. САВИНИЧЪ. ОДНА ИЗЪ ОЧЕРЕДНЫХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫХЪ ЗАДАЧЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ УСЛОВІЯМИ—ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ УСТУПКА 50%. ———

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ переулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Солянка, д. 1, кв. 88.
Тел. 3-97-14.

Отдѣленіе конторы въ Петроградѣ:
Невскій, 100. «Посредникъ печати».

Цѣна 30 коп.

АНАРХИЗМЪ.

* * *

Мы часто слышимъ, что, въ противоположность великимъ западно-европейскимъ революціямъ, русская революція была историческимъ явленіемъ, лишеннымъ какой-либо своей, оригинальной мысли. Декларация правъ человѣка и общественный договоръ вдохновляли французовъ въ 1879 году. Коммунистическій манифестъ Маркса и Энгельса обезсмертилъ революцію 1848 года. А гдѣ же символъ вѣры русской революціи? Гдѣ ея идеаль? Гдѣ ея евангеліе? Въ политическихъ планахъ нашихъ мы не идемъ далѣе Руссо. Въ нашемъ социализмѣ мы не превзошли Маркса. Своего революціоннаго евангелія мы еще не написали и неизвѣстно, напишемъ ли. Мы велики размахомъ, но бѣдны мыслью. Мы не сумѣли осмыслить нашъ размахъ, не сумѣли освѣтить его новымъ общественнымъ сознаниемъ и новой идеологіей.

Есть впрочемъ въ русскомъ общественномъ сознаниі одна черта, накладывающая на него особую печать. Положительное общественное устройство, ясныя общественныя формы, порядокъ твердый и могущественный—вотъ что вдохновляло и вдохновляетъ людей Запада. Не такимъ ли порядкомъ развѣ дышитъ Руссо? И не къ нему ли стремится западный социализмъ въ его борьбѣ съ «анархіей производства»? Безграничный общественный просторъ, боязнь всякихъ принудительныхъ и правовыхъ формъ характеризуетъ наше социальное сознание въ отличіе отъ западнаго. Давно уже признано, что мы прирожденные анархисты. Анархія—это наша стихія, безъ которой намъ тѣсно и страшно.

Конечно, анархизмъ не исключительно русской продуктъ. И на Западѣ существовали анархисты, пожалуй, не менѣе послѣдовательные, чѣмъ у насъ. Но анархизмъ, какъ стихійное, массовое теченіе, несомнѣнно, является нашимъ изобрѣтеніемъ. Широкая масса у насъ вѣрятъ, что анархія есть неопровержимо лучшій общественный строй. Опровергнуть безусловную цѣнность анархіи даже невозможно. Анархизмъ оспаривать можно не принципиально, а только *тактически*. Анархія безусловно хороша, но она *не применима* при данномъ несовершенномъ состояніи человѣческой природы. Анархисты являются величайшими идеалистами, и заблужденіе ихъ исключительно проистекаетъ изъ слишкомъ наивной вѣры въ возможность добра. Подобное умонастрое-ніе глубоко врѣзалось въ душу русскаго человѣка и онъ привыкъ считать, что въ сравненіи съ анархіей всѣ историческія формы общежитія, въ особенности же государственный и правовой порядокъ, являются формами безусловно несовершенными, лишенными какой-либо высшей, принципиальной цѣнности. Въ планахъ высшаго строительства нѣтъ мѣста государству и праву, а потому ихъ и нельзя оправдать съ точки зрѣнія высшей справедливости и соображеній добра.

«Мы хотимъ полнаго уничтоженія политическаго, юридическаго и законодательнаго права и замѣны его повсюду революціоннымъ фактомъ», такъ писалъ старый манифестъ русскихъ анархистовъ 70-хъ годовъ. Если въ русскомъ революціонномъ сознаниі есть оригинальность, то она выражена въ этихъ старыхъ словахъ. Внутренній смыслъ ихъ глубоко запечатлѣнъ въ русской душѣ. Ихъ внѣшній отзвукъ можно услышать во всемъ русскомъ революціонномъ движеніи, включая революцію 1917 года.

Два начала лежатъ въ идеѣ анархіи, начала противоположныя и даже враждебныя. Одно изъ нихъ отрицательно, другое положительно. Одно отъ зла, другое отъ добра. Перваго изъ нихъ не видитъ русскій народъ, и это есть величайшее и опаснѣйшее заблужденіе души русской,—заблужденіе, которое можетъ погубить молодую, но великую нашу культуру. Дурные пастыри столѣтія руководили нами—и вотъ мы думаемъ, что всякое руководство, всякій авторитетъ есть безусловное зло. Безусловно нужно свергнуть все то, что въ какомъ-нибудь смыслѣ *выше*, что не растворяется въ полномъ и совершенномъ равенствѣ, въ одинаковой высотѣ каждаго и всѣхъ, упраздняющей само понятіе высоты и высшаго достоинства. Отсюда *бунтъ* противъ всякаго авторитета, этотъ злой геній всякой анархіи: бунтъ, во чтобы то ни стало, бунтъ противъ всего, что кроетъ въ себѣ хотя бы намекъ превосходства. «Мы идемъ спокойно, весело не потому, что намъ не больно вѣчно звать къ кровавой битвѣ... Нѣтъ! Нѣтъ! Но потому, что тамъ, вдали, за трупами героевъ, за баррикадами, залитыми кровью, за всѣми ужасами гражданской войны, намъ сіяетъ уже величавый, прекрасный образъ человѣка, *безъ бога, безъ хозяина, безъ власти...* И мы *объявляемъ войну всемъ богамъ. Мы атеисты*». Отсюда *гордыня* человѣческой личности, провозглашающей себя превыше всего въ мірѣ «Мы хотимъ разсѣять мракъ и невѣжество, чтобы понялъ пролетарій весь міръ, понялъ самого себя *и все величіе человѣка*».

Начало безусловнаго бунта есть чисто отрицательный и творчески ничтожный принципъ. Чтобы бунтовать со смысломъ, надо знать, *во имя чье* бунтуешь. Авторитетъ принципа есть божество праваго бунта, и нельзя поэтому объявить бунтъ *всѣмъ богамъ*, такъ какъ тогда самый бунтъ будетъ ничтожнымъ. Состояніе безусловнаго бунтарства есть состояніе безумія, въ него впадаетъ человѣкъ въ бѣшенствѣ, когда имъ владѣетъ тотъ «бѣсъ», котораго Достоевскій увидѣлъ въ нашей революціи. Да и можно ли отыскать какое-либо разумное основаніе для такого бунта? Что есть позорнаго въ авторитетѣ вообще, что можетъ отвращать насъ отъ того, что безусловно насъ превосходитъ? Развѣ признаніе авторитета болѣе разумнаго человѣка заключаетъ въ себѣ что-нибудь плохое? И развѣ безусловному отверженію подлежитъ авторитетъ нравственный? Авторитетъ самъ по себѣ не заключаетъ еще ничего дурного. Бываетъ хороший, бываетъ и дурной авторитетъ. Бунтуя противъ авторитета вообще, анархія тѣмъ самымъ бунтуетъ и противъ авторитета положительнаго, творческаго. Она питаетъ злобу ко всему, что содержитъ въ себѣ признакъ «выше».

Заблужденіе анархизма проистекаетъ изъ искаженнаго толкованія идеи равенства. Нельзя оправдать многія общественныя неравенства: богатство и бѣдность, господство и неволю. Бунтъ противъ нихъ допустимъ, но пускай онъ совершится. Пусть уничтожено будетъ социальное неравенство, пусть водворится царство общественной справедливости. Развѣ въ этомъ царствѣ справедливости не будетъ превосходства разума, чести, совѣсти? Развѣ не будетъ нравственно большихъ и малыхъ, учителей и учениковъ, достойныхъ и недостойныхъ? Мы думаемъ, что съ водвореніемъ социальнаго равенства не кончится еще про-

гресъ челоѳчества, а какъ онъ возможенъ безъ «больше» и «меньше», безъ своеобразнаго неравенства? Не стануть же люди сразу богами. Но вѣдь и язычники, исповѣдующіе многобожіе, даже боговъ мѣрили разными достоинствами? Упразднены ли будутъ они у боговъ-людей?

Анархизмъ, какъ проповѣдь всеобщаго бунта, далеко не является настроеніемъ идеалистическимъ, ибо стихія души, живущая только бунтомъ и только гордыней, очень далека отъ идеализма. Есть своеобразная мудрость въ томъ, что къ анархическому движенію всегда присоединяются подонки общества, преступные и криминальные типы. Для нихъ отрицательная сторона анархіи является подлиннымъ хлѣбомъ. Для нихъ ничего другого въ анархизмѣ подлинно нѣтъ. Съ этой стороны своей анархія есть своеобразный культъ зла. Недаромъ кинжалъ, бомба и ядь суть любимыя средства анархистовъ.

* * *

Горять города и веси, гудить набатный колоколь, звенить желѣзо и льется кровь. Міръ объять пламенемъ—но для чего? Только ли для бунта? Есть въ анархизмѣ одно коренное противорѣчіе, далекое отъ сознанія самихъ анархистовъ. Извѣчные бунтари и враги всѣхъ боговъ все же вѣрятъ въ бога, котораго обыкновенно не знаютъ. «Изъ анархіи посредствомъ свободы должно возникнуть истинное равенство всѣхъ, новый порядокъ вещей, основанный на всестороннемъ развитіи всѣхъ, на свободно-организованномъ трудѣ». Вѣра въ социальный рай—вотъ первый богъ убѣжденных и искреннихъ анархистовъ. Вторымъ богомъ является челоѳческая личность. Анархизмъ наивенъ въ своей вѣрѣ въ добрыя силы челоѳческаго духа. Ему чужда мысль о прирожденномъ злѣ, объ испорченности, изначальной грѣховности челоѳка. «Мы имѣемъ полную вѣру въ инстинктъ народныхъ массъ и понимаемъ революцію, какъ организованный взрывъ того, что зовется революціонными страстями». Страсти эти не могутъ принять дурнаго направленія, онѣ по природѣ своей стремятся къ добру къ совершенству. Взрывъ революціонныхъ страстей освобождаетъ народъ отъ внѣшняго налета зла, основы котораго въ концѣ концовъ лежатъ въ несовершенствѣ историческихъ учреждений, портящихъ и искажающихъ душу челоѳка. Если сорвать съ народа этотъ внѣшній покровъ, онъ предстанетъ предъ нами во всей мощи и силѣ. «Всякій долженъ понять, что въ дѣлѣ революціи самый знающій и самый умный, даже геній, можетъ дать массамъ лишь то, что онѣ лишь заключаютъ въ себѣ... Кто дѣйствительно знаетъ народъ, тотъ знаетъ и то, что каждому изъ насъ приходится болѣе получить уроковъ отъ народа, чѣмъ давать ихъ ему».

Челоѳколюбіе и народолюбіе суть положительныя начала анархизма. Есть поэтому относительная справедливость въ нашемъ русскомъ взглядѣ на анархизмъ, какъ на порожденіе возвышеннаго, иногда наивнаго идеализма. Западная культура боится русской анархіи, такъ какъ не видитъ этого втораго лица двуликаго Януса, которое только и видимъ мы, русскіе. Но пусть Западъ пойметъ насъ, тогда не будетъ чуждой, быть можетъ, ему наша революція и вся вдохновенная сю политика. Нужно понять это, чтобы простить многія наши ошибки. Всѣ онѣ уже предудказаны исторіей нашей прошлой общественной

мысли. Вотъ что писалъ въ 1848 году Бакунинъ: Славяне, «слишкомъ долго были жертвою хитрости и насилія, чтобы начать черпать новую жизнь и новую силу въ чемъ-либо другомъ, кромѣ какъ въ чистой и святой истинѣ, въ чистой свободѣ, въ чистой справедливости безъ всякаго ограниченія, безъ всякой задней коварной мысли; поэтому они (славяне) устраняютъ столько же во внутренней, сколько во внѣшней политикѣ дипломатію и ея соображенія, все что искусственно и что могло бы имѣть цѣлью какую бы то ни было центральную власть на счетъ свободы, будь то индивидуума, будь то народовъ. Новая политика славянскихъ народовъ будетъ не государственной политикой, а политикой народовъ, политикой независимыхъ свободныхъ людей». Вотъ пророческія слова, которыя поистинѣ опредѣляютъ исторію. Въ нихъ—вся современная Россія, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Анархизмъ русскаго народа говорилъ устами Бакунина. Мудрый и старый Западъ слышалъ эти слова полстолѣтія тому назадъ. Да не истолкуетъ онъ ихъ худо, когда ихъ повторилъ въ 1917 году многомилліонный русскій народъ.

* * *

Но мы, русскіе, должны понять другое лицо анархизма. Если мы не узримъ его, мы обречемъ себя на гибель. Свергнемъ «бѣсовство» анархіи, признаемъ, что авторитетъ есть положительная сила, если въ немъ лежитъ разумъ. А признать это, означаетъ признать не только авторитетъ внутренняго голоса совѣсти, но и авторитетъ чужаго совѣта, убѣжденія, просьбы; даже авторитетъ власти и принужденія, когда ихъ голосомъ говорить разумъ. Когда русскій народъ пойметъ это, онъ внесетъ новый свѣтъ въ европейскую культуру. Идеализмъ его будетъ идеализмомъ дѣятельнымъ, творческимъ, а не ничтожнымъ бунтарствомъ противъ всего, не стремленіемъ къ голому разрушенію.

Н. Н. Алексѣевъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ 1848 ГОДА.

Въ то время, какъ все населеніе Франціи присоединилось къ побѣдной февральской революціи, въ то время, когда легитимисты и орлеанисты привѣтствовали переворотъ, который обезпечивалъ трудъ всѣмъ гражданамъ,—провинція осталась безъ власти.

Правительство Луи-Филиппа внушало отвращеніе въ той мѣрѣ, въ какой революція мгновенно была признана духовенствомъ, арміей, буржуазіей, пролетаріатомъ. Но, свергнувъ старый режимъ, приходилось прежде всего создать новый. Пока онъ выражался лишь въ томъ, что всѣ стали титуловать другъ друга «гражданиномъ». А еще Ж.-Ж. Руссо въ «Общественномъ Договорѣ» отмѣчалъ что «французы безцеремонно обращаются съ названіемъ «гражданинъ», ибо не имѣютъ подлиннаго понятія объ этомъ словѣ». Гражданственность приходилось обнаруживать на дѣлѣ, и прежде всего это могло сказаться въ томъ, какъ организуется власть и въ какой мѣрѣ ее будетъ уважать населеніе.

Въ Парижѣ этой власти не было. Временное Правительство являлось фикціей власти, которой фактически обладали рабочіе. Отъ исхода той или иной манифестаціи зависѣлъ составъ правительства, отъ дѣйствій любого ловкаго заговорщика правительство могло реконструироваться или просто погибнуть.

И лучшимъ тому доказательствомъ являлся примѣръ Коссидьера. Этотъ подозрительный человекъ захватнымъ путемъ овладѣлъ префектурой, назначилъ самъ себя префектомъ и съ нимъ приходилось считаться, его не могло не признать правительство, желавшее избѣжать гражданской войны. А если такимъ образомъ обстояло дѣло въ Парижѣ, врядь ли иначе могло быть и въ провинціи. Изъ кого вербовались агенты новой власти, люди, призванные защищать республику? Не забудемъ: Жеромъ и сынъ его Наполеонъ, Пьеръ, герцогъ Оманскій, герцогъ де-Жуанвиль, герцогиня де-Майлье, генераль Бульть, Ламорнисьеръ, Бедо и пр.,—весь цвѣтъ бонапартизма, легитизма, и орлеанизма, претенденты на престолъ и военначальники, префекты и депутаты, какъ и народъ, привѣтствовали республику. Разумѣется, лживы были эти привѣтствія въ устахъ людей, которые органически были связаны съ монархіей. Ложь и подлость обнаружили себя черезъ три-четыре мѣсяца. А пока Франція была «единолушна». И такъ какъ всякій талантъ управлять и руководить являлся историческимъ наслѣдіемъ небольшого круга лицъ, всѣхъ этихъ орлеанистовъ и легитимистовъ, бонапартистовъ, дѣлалось очевиднымъ, что только они въ состояніи организовать власть новаго строя. Это было страшнымъ предзнаменованіемъ, но фактъ этотъ былъ историченъ и соціологиченъ: республика погибла въ собственной безталанности.

Временное Правительство прежде всего обратилось къ новымъ людямъ. Это было правильно. Ледрю-Роллэнъ, слабый, раздраемый внутренними противорѣчіями, не обладавшій вкусомъ при выборѣ людей, лишенный революціонной психологіи, несмотря на свою революціонность, приступилъ къ посылкѣ «комиссаровъ» на мѣста. Изъ кого же онъ вербовалъ ихъ? Изъ республиканцевъ. Но что представляетъ собой республиканецъ? Это была масса, въ которой ожилъ инстинктъ народоправства, которая свято хранила традиціи Великой Революціи, которая обожала память Дантона, Робеспьера, Карно, Кавеньяка. Но не было вождей, ибо ни Ледрю-Роллэнъ, ни Маррасть, ни соціальные реформаторы, въ родѣ Прудона, Кабэ, Распайля, не являлись водителями народа. Въ лучшемъ случаѣ—это были фанатики, а обычно отличные парламентскіе говоруны изъ оппозиціи бывшему строю.

А между вождями и массой сгрудилось множество посредниковъ, даровитыхъ бездарностей, приспособленныхъ къ вершенію дѣлъ на словахъ. Лихія перья и лихіе языки, журналисты, адвокаты, митинговые ораторы, они созданы были оппозиціонной прессой. Они приспособлены были къ язвительной критикѣ, къ беспощадной оппозиціонности, къ посрамленію негоднаго строя. Но среди нихъ не было политическихъ дѣятелей, не было сильныхъ характеромъ и такъ мало, такъ страшно мало, было среди нихъ настоящихъ демократовъ. Они знали грѣхи прошлаго и ихъ бечевали, но они были невѣжественны, когда заходила рѣчь о томъ, какъ устроить будущее. Они говорили другъ другу «ты» и «гражданинъ», изъяснялись на языкѣ улицы, въ одеждѣ подражали героямъ Великой Революціи и... добивались теплыхъ мѣстечекъ. Къ этому сводилась ихъ революціонность.

Создавшаяся новая аристократія, наглая и стяжательная, какъ аристократія Людовика XVI, какъ аристократія Луи-Филиппа, какъ бывшая аристократія

солдаты и кухарокъ Наполеона I. Исторія повторяла карикатурные эпизоды свои. Это видѣли и понимали лишь немногіе, въ томъ числѣ Ледрю-Роллэнъ. Несмотря на всю свою посредственность, въ Ледрю-Роллэнѣ жила и дѣйствовала великая культура латинизма, основнымъ признакомъ которой является чувство гармоніи. Онъ презиралъ безвкусіе въ поэзіи, въ соціальныхъ концепціяхъ, въ быту, въ политикѣ. Его шокировали и раздражали республиканцы 48 года, но онъ былъ ихъ плѣнникомъ. Слабый—онъ не рѣшался отстранить этихъ людей отъ себя, самоувѣренный, онъ думалъ подчинить ихъ себѣ. И онъ назначилъ комиссаровъ изъ людей, завѣдомо негодныхъ, которые могли республику только дискредитировать.

Комиссары разѣзжались. Имъ было сказано лишь одно: бороться съ контръ-революціей, утверждая республику. Утверждать же ее мѣрами внушенія, не раздражая демагоговъ, проповѣдывающихъ социализмъ и коммунизмъ. Другихъ—болѣе точныхъ указаній комиссары не получили.

Между тѣмъ, развалъ увеличивался съ каждымъ днемъ. Войска не хотѣли повиноваться офицерамъ, а офицеры основавшіе «комиссію защиты» третировали военного министра. Кое-гдѣ въ арміи начались бунты, началось дезертирство. Крестьяне не хотѣли вносить податей. Рабочіе требовали увеличенія заработка и обезпеченія «права на трудъ». Правительство изучало и «ислѣдовало», но не проводило въ жизнь ни одного рѣшенія, боясь возстановить противъ себя народъ и армію. Даже, когда открыто пропагандировалось «уничтожить буржуазію» и поджечь кварталы центра, для чего на глазахъ всѣхъ заготовлялось оружіе, даже тогда правительство ограничивалось обращеніями, надоѣвшими уже Парижу и Франціи.

Если такъ обстояло дѣло въ столицѣ, еще хуже должно было быть въ провинціи. Не забудемъ, что образовалось параллельное правительство. «Клубъ клубовъ»—на средства государства разсылалъ 450 тайныхъ агентовъ, которые обязаны были слѣдить за дѣйствіями правительственныхъ комиссаровъ, агитировать въ деревняхъ и поддерживать настроеніе въ арміи. И эти люди говорили народу, что власть должна принадлежать рабочимъ, что буржуазію надо уничтожить, что правительство представляетъ собой только буржуазію. Болѣе того, они заявили, что, если Парижу не понравится будущее Учредительное Собраніе, какъ недемократическое, рабочіе разгонятъ его. Такъ Временное Правительство покровительствовало учрежденіямъ и лицамъ, въ корнѣ подрывавшимъ авторитетъ всенародной революціонной власти.

Триста хулигановъ, подъ начальствомъ демагога, засѣли въ Тюльери, и Временное Правительство вело съ ними длительные переговоры, пока они добровольно не сдались. Коссидьеръ завелъ какой-то особый трибуналъ и расправлялся съ преступниками, игнорируя законные суды.

И вотъ предъ этими демагогами какую силу могли имѣть комиссары, завсегдатаи редакцій, адвокатскихъ кружковъ, собраній, а иногда лишь посѣтители кофеенъ и гранильщики мостовой. Ихъ наставлялъ Ледрю-Роллэнъ, что они «агенты революціонной власти и въ то же время революціонеры». Это была фраза безъ содержанія. И потому комиссары дѣйствовали за свой страхъ и рискъ. Старые законы, какъ бы сошли на-нѣтъ. Новыхъ еще не было. И законъ—на

каждый отдѣльный случай, создавалъ каждый отдѣльный комиссаръ. Счастье, если то оказывался Э. Оливье, Гриви или Лихтенберже. Увы, такихъ ровнымъ счетомъ былъ десятокъ. Прочіе... о нихъ мы уже говорили.

И потому деревня считала комиссаровъ «коммунистами», а промышленные города—«реакціонерами». Изъ этого заколдованнаго круга нельзя было выйти. И провинція очень скоро оказалась въ огнѣ скрытаго или явнаго мятежа.

Возсталъ промышленный Руанъ, рабочіе котораго требовали немедленнаго уменьшенія числа рабочихъ часовъ и повышенія заработной платы. Они требовали смѣщенія присланнаго комиссара. Городъ разбился на два лагеря. Гражданская война была неизбежна.

Тулуза и Лилль, не дожидаясь извѣстій изъ Парижа, провозгласили республику и не желали принять комиссаровъ. Леонъ переживалъ ужасъ гражданской войны. Рабочіе, руководимые коммунистами изъ клуба Voraces, штурмомъ овладѣли частью крѣпости и провозгласили свою власть. Войска, предводительствуемые бездарнымъ генераломъ, и комиссаръ Эм. Араго, ничтожный сынъ великаго отца, растерялись. Солдаты начали «брататься» (этотъ терминъ принадлежитъ 1848 году) съ рабочими. Захватывались фабрики и дома богатыхъ людей. Къ счастью Араго, «Пустобрюхіе» пошли на уступки. Назначили новаго комиссара, но волненія продолжались, доходя до вооруженныхъ столкновений. Въ Лиможѣ, отчасти въ Нантѣ, происходили беспорядки... Такимъ образомъ, повсюду въ промышленныхъ городахъ (кромѣ Марсея) рабочіе возставали, недовольные умѣренностью Временнаго Правительства. И событія въ Парижѣ, доминирующая тамъ роль рабочихъ, лишь еще больше разжигали страсти и толкали пролетаріевъ на путь крайнихъ мѣръ, что рекомендовались демагогами.

А въ деревняхъ происходилъ настоящій кавардакъ. Въ иныхъ департаментахъ (Аррьежъ, Высок. Пиренеи и др.) крестьяне требовали немедленно и безвозмездно передать въ ихъ собственность государственные и частновладѣльческіе лѣса, жгли помѣщичьи замки и уничтожали скотъ. Въ другихъ крестьяне не хотѣли и слышать о республикѣ, мечтая о возвращеніи легитимныхъ королей.

Бордо методически противилось объявленію республики. Войска и національная гвардія были на сторонѣ гражданъ. Съ трепетомъ прибылъ туда комиссаръ Шевалье и съ трепетомъ провозгласилъ республику, отъ факта существованія которой въ Бордо ничего не измѣнилось.

Такъ въ интригахъ между членами Временнаго Правительства, въ насажденіи республиканскихъ принциповъ комиссарами, журналистами, адвокатами, завсегдатаями кофеенъ и прочими новоиспеченными республиканцами, расплывалась идея республики и погибло дѣло республики. Одной рукой подавляя солдатскіе мятежи, другой увольняя, въ угоду клубнымъ демагогамъ, десятки высшихъ офицеровъ, правительство дезорганизовало армію.

Агенты клубовъ, доносившіе на комиссаровъ, что приводило къ смѣщенію послѣднихъ, распоряжавшіеся на мѣстахъ, внушавшіе населенію мысль, что существуетъ какое-то надъ-правительство, контролирующее дѣятельность Временнаго Правительства,—эти клубные агенты свели на нѣтъ все то вліяніе,

которымъ должна была обладать національная революціонная власть.

И въ этой мѣшанинѣ, гдѣ конспирація, невѣжество, фанатизмъ и демагогія брали очевидный перевѣсъ надъ прямою, знаніями, трезвостью мысли и національнымъ воодушевленіемъ,—въ этой мѣшанинѣ погибала великодушная революція 1848 года. Эгоизмъ класса восторжествовалъ надъ патриотизмомъ націи. И нація низвергла эгоизмъ класса—и не зная куда итти, но желая сохранить Францію,—дошла до Наполеона III.

Петръ Рысць.

„МЫ ВОЕННЫЕ...“.

Очеркъ второй.

I.

По законамъ военнаго монастыря, передъ сномъ мы должны были складывать одежду на табуретку, въ такомъ порядкѣ: гимнастерка, брюки, кальсоны, носки. Пакетъ застегивался поясомъ, пряжкой вверхъ. Дежурный отвѣтственъ за правильность построений; и когда свѣтъ потушать, въ одиннадцатомъ часу, дежурные черѣдко провѣряли насъ—ибо въ двѣнадцатомъ являлся офицеръ, и провѣрялъ ихъ. Когда былъ я еще «фараономъ» (новичкомъ)—разъ, около двѣнадцати и меня разбудили:

— Подтяните ремень,—сказалъ дежурный: слабо затянуть.

Въ эту ночь, съ 3-го на 4-е марта, дежурный офицеръ вошелъ къ намъ ранѣе, чѣмъ полагалось. Было уже темно, но многіе еще не спали—отзывалось волненіе пережитаго.

— Зажечь свѣтъ, живо одѣваться и строиться, заявилъ офицеръ.—По приказанію командующаго войсками...

Подъ яркимъ свѣтомъ полтороста молодыхъ, и средняго возраста людей вскочили съ постелей, оправдали ихъ, натянули нехитрыя свои ризы, и минутъ черезъ семь выстроились, въ шинеляхъ, съ винтовками. Быстрымъ шагомъ, сдвинувъ брови, вошелъ генераль:

— Я получилъ сообщеніе,—началъ онъ рѣзко, почти патетически.—Въ Москвѣ анархія. Начались грабежи, поджоги. Банды хулигановъ грозятъ городу. Идите! Водворяйте порядокъ. Вы—единственная дисциплинированная часть. Васъ зоветъ новое правительство—вы тотчасъ двинетесь для охраны штаба.

Генераль повернулся и вышелъ. Видимо, былъ онъ возбужденъ, не хотѣлъ понижать настроенія. Намъ принесли патроны. Опять стали мы рвать пачки, опять полъ усѣялся бумажками, но сейчасть настроеніе было иное: мы шли защищать революцію! Этимъ все сказано. Червный токъ, но иного качества, вновь пробѣгалъ по намъ; онъ прибавлялъ силу, обострялъ впечатлительность; близость опасности опьяняла.

Другія роты спали; выходили 2-я отъ 1-го баталіона и отъ 2-го—12-я; мы шли темнымъ коридоромъ училища, спустились въ темный вестибюль; на улицу были распахнуты двери, оттуда врывался морозный воздухъ огромными клубами. Выйдя, мы выстроились. Насъ велъ ротный командиръ, обликомъ

напоминавший великаго князя Николая Николаевича. Онъ былъ въ папахѣ, очень высокій, съ неизмѣннымъ отпечаткомъ изящества.

— Отдѣленія, стройся влѣво, шагомъ маршь!

Команда была негромкая, но спокойная, бывалая. Мы чувствовали себя въ надежныхъ рукахъ.

Капитанъ шагаль впереди, и нѣсколько влѣво. Мы взяли винтовки «на-плечо», и стройными рядами, въ колоннѣ по отдѣленіямъ, тронулись.

Москва была глубоко-пустынна. Снѣгъ чудесно плѣлъ подъ ногами. Большой Левъ сіялъ надъ памятникомъ Гоголя. Рота шла легко, возбужденно, въ томъ нервномъ подъемѣ, когда, думаю, ничто не оставило бы ее отъ атаки.

Все это было неожиданно, необыкновенно. Мы сдавали репетиціи по тактикѣ, учили знаменитый параграфъ «обязанности стрѣлка въ цѣпи», упражнялись въ разсыпаніи и перебѣжкахъ,—но все это «нарочно», какъ говорятъ дѣти, а не «настоящее». Тутъ же шли, правда, кого-то защищать, или оборонять. Мы должны были примѣнить свои знанія въ бою.

На Арбатской площади горѣли костры. Прага была темна. Зато у штаба, въ Художественномъ электро-театрѣ—все въ свѣту, стоятъ конные разъѣзды, автомобили, грузовики съ солдатами Улицы Москвы безмолвны. Пронесется разъездъ, автомобиль прохрипитъ. Кажется, что въ этой морозной тьмѣ что-то замышляютъ, кроются враги; говорятъ, наша двѣнадцатая рота уже пошла брать «Уніонъ». Тамъ будто бы засѣли съ пулеметами. Мы же «резервъ».

Въ строгомъ порядкѣ мы прошли черезъ вестибюль въ зрительный залъ. Былъ онъ полонъ свѣта—и солдатъ. Тутъ стояла полурота 251-го полка и рота школы прапорщиковъ. Солдаты, юнкера, сидя дремали; винтовки торчали вверхъ штыками. Было накурено. Пахло военными. Мы прошли, тоже сѣли.

Я въ послѣдній разъ былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ—въ «вольномъ» платьѣ, вольнымъ русскимъ писателемъ на лекціи Поля Фора, короля французскихъ поэтовъ. Гдѣ теперь онъ, я не знаю. Можетъ, гдѣ-нибудь въ Аргонахъ, подъ Аррасомъ, или еще въ какихъ-то трущобахъ,—ничему не удивлюсь. Этой зимой самъ я ходилъ по двадцати верстъ въ мятели, на двадцатиградусномъ морозѣ маневрировалъ, въ солдатскомъ обликѣ, съ винтовкой на плечѣ мѣрилъ улицы Москвы—міста дорогія, и даже священные. Такія ужъ времена.

Молодые прапорщики поговорили съ нами. Они, въ среднемъ моложе насъ, лише, болѣе залихватски-военнаго направленія, но съ меньшимъ образованіемъ; мы ученѣе. Одинъ изъ нихъ тутъ же рассказалъ, какъ они брали Арсеналь; выходило—очень храбро, и геройски. Этотъ рассказъ я потомъ слышалъ неоднократно; всегда рассказчикъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Мы сидѣли, курили, выходили въ комнаты, гдѣ работаль штабъ—тамъ машинки стучали, намъ казалось, что дѣлается какое-то спѣшное дѣло, днемъ и ночью, для спасенія Россіи. Здѣсь, черезъ часъ, другой по нашему приходу, прошло изъ устъ въ уста извѣстіе: «Наши взяли Уніонъ». Юнкера школы прапорщиковъ важно говорили: «Александровцы взяли Уніонъ». Скоро появилась вѣсть, что даже «ходили въ штыки», есть потери, взяты пулеметы. Я вспомнилъ, что вѣдь я—«старшій въ звенѣ». Надо знагъ команды. Неужели, правда, черезъ полчаса ихъ при-

дется примѣнять? Я прорепетироваль съ нашимъ взводнымъ, оказалось—плохо помню. И у меня было странное чувство,—что вотъ я готовлюсь къ охотѣ на людей, къ уничтоженію ихъ по правиламъ военной науки.

Все, что рассказывали о двѣнадцатой ротѣ, оказалось, понятно, вздоромъ; но въ ту романтическую ночь, въ «революціонномъ» штабѣ, на который изъ глубины безсвѣтныхъ улицъ Москвы кто-то злоумышлялъ—все было хорошо. Нѣкоторые изъ нашихъ даже очень мирные, такъ воодушевились, что самъ я слыхаль разговоры: если итти на черную сотню, то плѣнныхъ не брать. Подумаешь, ветераны Брусилова!

По временамъ въ штабъ привозили съ улицы какихъ-то «личностей». Я помню одного: шпионъ, охранникъ, изъ тѣхъ, на кого, предполагалось, мы выступаемъ; его стерегли четыре солдата; онъ сидѣлъ въ углу, на колѣняхъ его лежала студенческая фуражка, зимнее пальто разстегнуто: онъ вспотѣлъ, волосы слиплись, и маленькіе глазки бѣгали мучительно. На вопросы старался отвѣчать бойко; но—видимо, трусилъ. «Такъ, вѣроятно, думаль я: на войнѣ берутъ шпионовъ. Такъ же они сидятъ, затравленными звѣрьми, а потомъ, гдѣ-нибудь за угломъ ихъ приканчиваютъ». Между прочимъ, этому субъекту вмѣнялось, что гдѣ-то на улицѣ онъ «не одобрялъ новый строй». Тутъ я не могъ не улыбнуться. Значить, я ужъ *обязанъ* непременно одобрять его! Ну, а если мнѣ не понравится? И меня посадятъ подъ охраной тѣхъ же самыхъ четырехъ солдатъ, которые, быть можетъ, двѣ недѣли назадъ такъ же охраняли арестованныхъ социалистовъ. Новое государство! Новые боги пришли, но богъ силы не скоро уйдетъ еще отъ людей. Мѣняя виды, одѣянія, долго будетъ онъ грозить «инакомыслящимъ». Потомъ, я видѣлъ, привели раненаго офицера. Его волокли подъ руки, а ногами онъ едва перебиралъ: и этотъ офицеръ—вовсе не былъ офицеръ, а переодѣтый парикмахеръ, пытавшійся въ кого-то стрѣлять—его самого подстрѣлили. Тоже «контръ-революціонеръ». И еще разныхъ доставляли: эти мизерабли были «меньшинство», мы—«большинство»—потому мы и могли ихъ сажать, караулить, и пр. Если бы были жесточе—такъ и разстрѣливать.

Къ четыремъ часамъ всѣ наши притомились; многіе клевали носомъ, другіе спали откровенно, откинувшись на спинки кресель. Машинки въ штабѣ попримолкли. Становилось ясно, что до войны далеко.

Въ пятомъ часу намъ на смѣну пришла первая наша рота, самая рослая, по прозванію «ишаки». Мы же назывались «извозчики»—почему, неизвѣстно, но такъ завелось изстари.

Проходя мимо насъ, они говорили:

— Странно, что извозчики сонные. На перекресткахъ привыкли, небось ночью дежурить.

Наши острословы отвѣтили:

— Ишаки, проголодаются. Здѣсь вамъ сѣна не дадутъ.

Взрослые люди, съ университетскими значками, спокойно говорили другъ другу: «Ишаки». «Извозчики».

Конечно, съ вечера генераль все намъ преувеличилъ. Никакой особенной анархіи въ Москвѣ не было. Можетъ быть, два-три пожара. «Уніонъ» дѣйствительно взяли, но тамъ никого не было. Нашъ зарядъ, нашъ

романтизмъ и на этотъ разъ былъ заготовленъ впрокъ, безъ немедленнаго примѣненія.

На другой день мы спали вволю, съ сознаниемъ исполненнаго долга. А затѣмъ насъ пустили въ отпускъ. Въ три часа дня, когда съ товарищемъ я выходилъ, на улицахъ было шумно, оживленно; Арбатская площадь вся кишѣла людьми. Зная, что это мальчишество, я не удержался, все же, и зашелъ въ магазинъ за красной ленточкой. Барышня прикрѣпила мнѣ и товарищу красные бантики. Полные впечатлѣній, возбужденные, почти веселые, мы разошлись.

II.

Еще нѣсколько дней назначали насъ въ наряды, что охранѣ Училища, въ штабъ, но вполнѣ мирно, мнѣ пришлось быть «докладчикомъ» при начальникѣ штаба, т.-е.—докладывать о каждомъ посѣтителѣ, посѣтителя же приглашать; должность, по-моему,—для швейцара, а товарищи говорили—флигель-адъютантская. Такъ какъ мнѣ выпала ночь, и никто не приходилъ, то я ничего не дѣлалъ. Вся моя роль свелась на то, что утромъ я разбудилъ своего «барина» и далъ ему газету. Тутъ я выступалъ какъ камердинеръ.

А въ дальнѣйшемъ сталъ общественникомъ. Рота выбрала меня делегатомъ; съ этого дня получилъ я привилегію—въ то время какъ товарищи продѣлывали «ротное ученье», или еще какую прелесть, я могъ засѣдать, съ глубокомысленнымъ видомъ рѣшать вопросы училищной жизни въ маленькомъ классѣ, подъ парикмахерской. Тамъ собирались мы, какъ нѣкій комитетъ. Надо сознаться, что временами комитетъ нашъ очень разросался: являлись личности, не желавшіе итти на гимнастику или на лекціи, скромно занимали заднія парты—такъ называемые «ловчицы». Здѣсь они были въ безопасности. Мы покрывали ихъ авторитетомъ коллегіи.

Мнѣ пришлось тогда бывать въ Совѣтѣ Солдатскихъ Депутатовъ, въ качествѣ члена его. Видѣлъ я море солдатскихъ папахъ, шинелей, бородатыхъ лицъ, бойкихъ вольноопредѣляющихся изъ евреевъ, и представителей «окоповъ»—людей дѣйствительно выдававшихъ виды. Всѣ они получили возможность говорить. Сѣрое человѣчество долго молчало; много терпѣло всякихъ бѣдъ и золь, грубостей, мордобитій и несправедливостей—и однажды проснулось свободнѣйшимъ изъ человѣчествъ. Говорить захотѣлось. Косолапо, нечленораздѣльно заговорили. Но все казалось мало. Безконечно подымались на трибуну Политехническаго музея «товарищи», десятки разъ повторялись, съ наивностью утверждали общеизвестное, но такъ и быть должно, ибо вѣдь въ первый разъ, впервые! О своихъ, кровныхъ, мучительныхъ дѣлахъ. Являлись делегаты съ разныхъ фронтовъ, отъ всякихъ гарнизоновъ, всѣ привѣтствовали, всѣ заявляли, что у нихъ не хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь, что они не плоше революціонеры. Случалось, что внадали въ искреннюю экзальтацію, напимѣрь, изъ-за того, что приходилось избрать депутатовъ для встрѣчи поѣзда съ политическими. Были и трогательныя минуты. Пріѣхалъ командующій войсками. Говорилъ онъ вещи нехитрыя. Потомъ вызвалъ къ себѣ на эстраду солдата, и поцѣловалъ. «Въ его лицѣ всѣхъ васъ цѣлюю, товарищи». Я сидѣлъ довольно высоко.

Среди грома рукоплесканій чувствовалось, какъ взволнованы солдаты. Въ дальнѣйшемъ, во время рѣчи, многіе сморкались. Обернувшись назадъ, я увидѣлъ рыжаго солдата, который положилъ голову на барьеръ и плакалъ. Когда командующій войсками кончилъ встать бородачь, какой-нибудь воронежскій «дядя», землеробъ, и сказалъ: «Г. Командующій, благодаримъ васъ за добрыя слова. Кланяюсь вамъ земно, г. командующій». И какъ сидѣлъ у прохода, тутъ же опустился на землю, зарыдалъ. Не молодой мужикъ, навѣрно выдавшій виды, онъ лежалъ и плакалъ, отъ волненія не могъ больше ничего сказать. И должно-быть, правда впервые услышалъ онъ отъ начальства слова ласковыя, «добрыя». Очень онъ по нимъ стосковался. Его рѣчь была самая сильная изъ слышанныхъ мною.

Этотъ командующій былъ тогда героемъ дня. Онъ ѣздилъ верхомъ, въ коричневой папахѣ, имѣя видъ атамана, говорилъ слегка театрално, но въ мѣру. Его автомобиль встрѣчали восторгами. А потомъ его звѣзда пошла на убыль; съ той же легкостью, какъ вознесла, толпа его низвергла, тотчасъ забыла, и на рукахъ носить теперь другихъ, чьи триумфы, какъ всегда полагалось въ революціяхъ, тоже навѣрно недолги.

Приближался нашъ выпускъ. Мы, т.-е. делегаты, къ этому времени успѣли провести свои «реформы»: отмѣна обязательныхъ нарядовъ въ церковь, ночной отпускъ, контроль надъ кухней, и т. п. Мы работали для младшаго поколѣнія, чтобы имъ легче было жить. Наши завѣты приняты были съ пылкостью, свойственной русскимъ; и теперь даже, сколько я знаю, надлежитъ уже сочетать тамъ духъ свободы съ духомъ дисциплины—дабы не побѣдилъ столь всѣмъ намъ близкій духъ простого безпорядка.

За нѣсколько дней до выпуска мы чувствовали себя барами: ничего не дѣлали, мечтательно валялись по кроватямъ, непрерывно уходили въ отпускъ и примѣряли—то шинели, то фуражки. Въ послѣдній день притащили изъ экономическаго общества всѣ свои новые аппараты—устали ужасно, но занятно было надѣвать новенькіе френчи, новыя брюки. Весь вечеръ, слѣдующее утро, зеркала работали непрерывно: мы фигурничали предъ ними. Младшіе съ завистью на насъ глядѣли; имъ еще два мѣсяца сидѣть тутъ, вставать по барабану, ходить внизъ обѣдать и вечерами сидѣть въ чайной. Мы же сразу стали наряднѣй, чище, съ наслажденіемъ сдавали въ цейхгаузъ свою старую чешую. Все казалось безобразнымъ.

Въ той же залѣ, гдѣ мы присягали новому правительству, насъ и произвели. Разумѣется, командующій войсками говорилъ рѣчь, а мы орали ура. Такъ ужъ заведено. И вечеромъ, получивъ деньги, документы, попрощавшись другъ съ другомъ—надолго, если не навсегда—со скромными прапорщичьими сундучками мы разѣхались—кто куда. Помню, былъ теплый, сѣрый вечеръ. Извозчикъ быстро гналъ по Знаменскому переулку. Мнѣ отдавали честь встрѣчные солдаты. Было такое чувство, будто мнѣ не тридцать шесть, а семнадцать, и только что я кончилъ гимназію, въ первый разъ ѣду свободнымъ человѣкомъ. А куда, и что ждетъ—невѣдомо.

ДЕМОКРАТІЯ.

Демократія—соотвѣтственно буквальному смыслу этого греческаго слова—означаетъ такой государственный строй, гдѣ государственная власть находится въ рукахъ народа, гдѣ править государствомъ самъ народъ. Въ этомъ смыслѣ демократія прямо противоположна абсолютной монархіи, гдѣ вся власть принадлежитъ наслѣдственному и безотвѣтственному монарху, который править народомъ по всей своей волѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ демократія ярко отличается отъ такъ называемой аристократіи, гдѣ власть находится въ рукахъ небольшой части населенія, обыкновенно высшаго сословія—дворянства.

И въ абсолютной монархіи и въ аристократіи удѣлъ народа—слѣпое и безусловное повиновеніе. Онъ не имѣетъ никакого голоса въ управленіи государствомъ. Его считаютъ неспособнымъ заботиться о собственномъ благѣ и цѣнить свободу. Правители берутъ на себя заботу о его счастьѣ и требуютъ, чтобъ народъ имъ въ этомъ не мѣшалъ, и поэтому лишаютъ его всякой свободы и сознательно поддерживаютъ темноту въ народѣ, потому что знаютъ, что просвѣщеніе толкаетъ народъ къ свободѣ, пробуждаетъ въ немъ сознаніе своихъ силъ и стремленіе скинуть съ себя гнетъ независимой отъ него власти.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и заботы о благѣ народномъ и въ абсолютной монархіи и въ аристократіи обыкновенно только на словахъ. На самомъ дѣлѣ и монархъ и правящая аристократія прежде всего и больше всего заботятся о собственныхъ интересахъ и въ особенности о сохраненіи за собою власти, которая приноситъ имъ столько выгодъ.

Поэтому неудивительно, что издавна сложилась мечта о созданіи такого государственнаго строя, гдѣ бы власть находилась въ рукахъ самого народа—для полной его свободы и для полного его счастья. И когда бы и гдѣ бы ни поднимался народъ въ революціонномъ движеніи, онъ всегда стремился провозгласить и утвердить народное верховенство, то-есть такой порядокъ управленія государствомъ, при которомъ верховная государственная власть признавалась принадлежащей всему народу.

Такъ англичане еще въ XVII вѣкѣ произвели попытку установить въ Англіи народовластіе, но эта попытка имъ не удалась и, послѣ краткаго торжества народа, тамъ вновь водворился аристократическій строй, который только въ недавнее время, не ранѣе второй половины XIX вѣка, уступилъ мѣсто демократіи. Въ настоящее время демократія въ Англіи окончательно упрочилась и становится все болѣе широкой, полновластной и благоденствующей.

Равнымъ образомъ, американцы въ концѣ XVIII в., отложившись отъ Англіи, установили свободный республиканскій строй на широкихъ демократическихъ основахъ. Съ тѣхъ поръ сѣверо-американская республика все развивалась, крѣпла и къ нашему времени сложилась въ могучее свободное государство, въ одну изъ величайшихъ современныхъ демократій.

Наконецъ французы также въ концѣ XVIII вѣка въ великой революціи свергли королевскую власть и провозгласили народное верховенство. Однако имъ далеко не сразу удалось установить подлинную демократію. Въ теченіе XIX столѣтія имъ пришлось пережить не мало потрясеній и новыхъ революцій

и только къ концу прошлаго столѣтія во Франціи окончательно сложилась истинная демократическая республика.

Что народы не сразу въ силахъ водворить у себя свободный демократическій строй,—это вполне понятно. Надо признать, что правильно организовать истинную демократію является труднѣйшей политической задачей. Легко провозгласить народное верховенство, но очень трудно его доподлинно осуществить, особенно вслѣдъ за долгимъ господствомъ абсолютной монархіи или аристократическаго строя.

И это, во-первыхъ, потому, что народныя массы, привыкшія только къ повиновенію, далеко не сразу усваиваютъ значеніе и смыслъ своего новаго положенія въ государствѣ, не сразу постигаютъ всю цѣнность участія въ государственной власти и нерѣдко относятся къ своимъ новымъ гражданскимъ обязанностямъ, какъ къ излишней обузѣ; а, во-вторыхъ, потому, что приобщить весь народъ, особенно въ обширной странѣ съ многочисленнымъ населеніемъ, къ дѣйствительному участію въ государственной власти, привлечь его къ рѣшенію хотя бы важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, представляется въ высшей степени затруднительнымъ.

Поэтому не разъ случалось въ исторіи разныхъ государствъ, что народъ, захвативъ въ свои руки государственную власть, не въ силахъ былъ, не умѣлъ или не хотѣлъ удерживать ее за собою и вновь попадалъ подъ владычество единаго монарха или небольшой кучки людей. И еще чаще случалось, что провозглашенное и добытое народное верховенство превращалось лишь въ вывѣску новаго государственнаго строя, лишь въ декорацию, а на самомъ дѣлѣ государственная власть становилась достояніемъ только незначительной части населенія, обыкновенно болѣе состоятельныхъ классовъ, которые и пользовались ею по преимуществу въ собственныхъ интересахъ и выгодахъ.

Чтобы пресѣчь возможность повторенія чего-либо подобнаго у насъ въ Россіи, русскій народъ долженъ проникнуться убѣжденіемъ въ необходимости сохранить въ своихъ рукахъ добытую государственную власть во имя своей свободы и во имя своего блага. Для этого онъ долженъ знать и помнить всѣ преимущества истинной демократіи передъ всякимъ инымъ государственнымъ строемъ.

Преимущества демократіи заключаются въ слѣдующемъ. Только въ истинной демократіи достижима наиболѣе полная свобода всѣхъ и каждаго въ ея разумныхъ предѣлахъ, въ тѣхъ предѣлахъ, при которыхъ свобода одного не препятствуетъ свободѣ другого и не вредитъ благу всѣхъ. Самое осуществленіе демократіи, то-есть управленія государствомъ волею и силами народа, возможно лишь при признаніи за гражданами свободы слова, союзовъ, собраній и т. д., потому что свое участіе въ государственной власти граждане могутъ осуществить только въ томъ случаѣ, если они пользуются свободой слова, печати, собраній и союзовъ.

Съ другой стороны, такъ какъ каждый гражданинъ въ демократіи призванъ принимать участіе въ государственной власти, то всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы каждый гражданинъ былъ достаточно подготовленъ къ этой своей отвѣтственной роли. Поэтому для всѣхъ важно, чтобы каждый гражданинъ получилъ возможность широкаго внутренняго раз-

витія, накопленія знаній и опыта. А это возможно для широкихъ массъ населенія лишь въ условіяхъ свободы.

Наконецъ, въ истинной демократіи нѣтъ возможности ожидать, чтобы законодательная или правительственная власть стѣснила народную свободу, потому что и законодатели и правители въ демократіи дѣйствуютъ подъ постояннымъ контролемъ со стороны народа и поэтому они, конечно, не дерзнутъ принять мѣры, которыя не могутъ быть одобрены населеніемъ.

А свобода нужна человѣку не только для того, чтобы онъ могъ достойнымъ образомъ исполнять обязанности гражданина. Свобода нужна ему и для него самого, необходимая во имя человѣческаго достоинства. Только свободный человѣкъ достоинъ званія человѣка, потому что только свободный человѣкъ можетъ возвыситься надъ безсловеснымъ животнымъ, можетъ безгранично развить свой разумъ и свою совѣсть, облагородить свою душу возвышенными помыслами и стремленіями и выйти изъ узкой и скудной жизни, поглощенной заботами о себѣ самомъ, на широкую и свѣтлую дорогу сознательнаго служенія родинѣ, человѣчеству.

Вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ свободныхъ народовъ показалъ, что трудъ наиболѣе плодотворенъ въ условіяхъ свободы. У свободнаго человѣка, вслѣдствіе привычки къ самодѣятельности и отвѣтственности, изощряется изобрѣтательность и приспособляемость къ новымъ, болѣе совершеннымъ приѣмамъ и условіямъ труда, развиваются способности и нарастаетъ производительность труда. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно сравнить, сколько можетъ поработать въ одно и то же время съ одной стороны русской или турецкой, и съ другой—американецъ, англичанинъ или французъ. А такъ какъ только трудъ создаетъ богатство народа, то слѣдуетъ признать, что свобода способствуетъ росту народнаго благосостоянія.

Поэтому съ увѣренностью можно сказать, что путь къ счастью лежитъ только черезъ свободу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ только въ истинной демократіи можетъ быть обеспечено въ полной мѣрѣ равенство всѣхъ гражданъ. Исходя изъ признанія равноцѣнности человѣческаго достоинства, демократическій строй упраздняетъ есѣ различія между гражданами передъ закономъ и государственной властью. Никакія привилегіи, никакія исключенія изъ общаго равноправія всѣхъ гражданъ—недопустимы.

Но мало установить равноправіе всѣхъ гражданъ. Во имя равенства гражданъ требуется поставить всѣхъ гражданъ, хотя бы приблизительно, въ одинаковыя условія жизненной борьбы.

Конечно, никакая власть въ мірѣ не въ силахъ дѣйствительно уравнивать всѣхъ людей, сдѣлать ихъ обладающими одинаковыми способностями, дарованіями, характерами и стремленіями. Между людьми всегда сохраняются (и должны сохраниться къ общему благу) безконечныя различія въ ихъ духовномъ содержаніи и въ мѣру этихъ различій люди всегда будутъ отличаться другъ отъ друга степенью своего благосостоянія, характеромъ своего счастья и мѣрою своего вліянія и значенія для окружающихъ людей.

Однако, не посягая на уничтоженіе этихъ естественныхъ различій между людьми, государственная власть въ демократіи должна сообщить каждому гражданину возможность развить свои способности,

использовать всѣ свои силы. И поэтому демократія должна открыть свободный доступъ для всѣхъ и каждого къ полученію нужнаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ демократія должна обеспечить всѣхъ и каждого, путемъ организациі государственной системы взаимнаго страхованія, отъ пагубнаго вліянія несчастныхъ случайностей, отъ дѣйствія неблагоприятныхъ жизненныхъ обстоятельствъ, открывающихъ провалъ въ нищету.

И именно потому, что истинная демократія обеспечиваетъ въ широкихъ размѣрахъ равенство всѣхъ гражданъ, она даетъ возможность народу развить всѣ свои силы и способности, выдѣлить изъ своей среды всѣхъ талантливыхъ людей и привлечь ихъ къ творческой работѣ на общее благо, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ промышленности, въ государственномъ дѣлѣ. Недаромъ поэтому наблюдается, что народъ, живущій въ условіяхъ правильной организованной демократіи, благоденствуетъ.

Наконецъ, и это особенно важно, истинная демократія является государственнымъ управленіемъ наиболѣе справедливымъ и, стало, быть, наиболѣе способствующимъ общему удовлетворенію и общему благополучію. Въ самомъ дѣлѣ. Разъ въ демократіи всѣ граждане принимаютъ участіе въ государственной власти, то, по общему правилу, всѣ государственныя мѣропріятія, будь то законныя или правительственныя распоряженія, являются результатомъ какъ бы общаго соглашенія и, стало быть, отражаютъ въ себѣ достижимую степень осуществленія требованій господствующаго въ народной средѣ чувства справедливости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государственная власть въ демократіи, направляемая всѣми гражданами, стремится къ удовлетворенію всѣхъ нуждъ и интересовъ народныхъ соотвѣтственно ихъ важности и неотложности. Такимъ образомъ государственное управленіе въ демократіи развивается правильно, постепенно переходя къ осуществленію все болѣе крупныхъ задачъ, соотвѣтственно развитію народнаго духа и народнаго правосознанія.

Совершенствуя законодательство и развивая государственность согласно желаніямъ народа, истинная демократія не знаетъ революцій. Въ ней революціи не нужны, потому что народъ, держа въ своихъ рукахъ государственную власть, можетъ достигъ мирнымъ путемъ и законными средствами, не прибѣгая къ насильственному перевороту, всѣхъ своихъ стремленій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ истинная демократія не знаетъ также и, такъ называемыхъ реакцій, когда государственная власть стремится насильственно задержать развитіе народа и вернуть его вспять къ изжитымъ уже формамъ государственной и общественной жизни. И въ этомъ великое преимущество демократіи, потому что этимъ самымъ достигается сохраненіе всѣхъ народныхъ силъ для постояннаго движенія лишь впередъ, въ сторону лучшаго будущаго.

Но достиженіе всѣхъ этихъ преимуществъ демократіи—свободы, равенства и справедливости—возможно лишь при томъ условіи, что демократія будетъ истинной. А демократія бываетъ истинной только тогда, когда весь народъ обладаетъ государственной властью и когда вся государственная власть находится въ рукахъ народа.

Весь смысл, все достоинство демократіи, какъ формы правленія, заключается именно въ томъ, что она призываетъ къ власти весь народъ, прислушивается къ голосу каждаго, знаетъ нужды всѣхъ, считается съ интересами всѣхъ и приравнивается къ чувству справедливости всѣхъ. Отъ этого соучастія всѣхъ, соглашенія всѣхъ, и достигается наибольшая справедливость въ законодательствѣ и вообще въ государственномъ управленіи.

Истинной демократіи чужды стремленія кого-либо подавить, къ-либо пренебречь. Стремясь къ равенству, она ставитъ своей задачей удовлетвореніе всѣхъ путемъ обезпеченія имъ полной свободы и наиболѣе благоприятныхъ условій для ихъ труда.

Поэтому странно слышать рѣчи тѣхъ нашихъ демократовъ, которые противопоставляютъ демократію буржуазіи.

Буржуазія, разумѣется, входитъ въ составъ народа и, слѣдовательно, въ демократіи, на ряду со всѣми другими гражданами, должна принимать участіе въ государственной власти. И это въ интересахъ всего народа, потому что, доколѣ капитализмъ не упраздненъ и доколѣ промышленность нуждается въ частныхъ капиталахъ, было бы совершенно безразсуднымъ вовсе не считаться съ представителями промышленности.

И еще болѣе безразсудно выбрасывать изъ среды демократіи интеллигенцію, точно демократія можетъ обойтись безъ свѣта знанія и науки. Задача, конечно, не въ томъ, чтобы народъ отрекся отъ интеллигенціи, а въ томъ, чтобы интеллигенція слилась съ народомъ, чтобы весь народъ или по крайней мѣрѣ большая часть народа черезъ образованіе приобщилась къ интеллигенціи. Ибо истинная демократія заключается, конечно, не въ томъ, чтобы всѣхъ поставить въ одинаково плохія условія, а въ томъ, чтобы всѣхъ поднять до одинаково хорошихъ условій жизни. Никто, разумѣется, не выиграетъ, если всѣ станутъ нищими или невѣждами. Наоборотъ, всѣ выиграютъ, если все большее и большее число гражданъ будутъ дѣлаться болѣе просвѣщенными и состоятельными.

И вотъ для того, чтобы условія жизни всѣхъ гражданъ постоянно улучшались, и требуется въ истинной демократіи, чтобы вся государственная власть находилась въ рукахъ народа. Иначе говоря требуется, чтобы народу принадлежала не только такъ называемая учредительная власть, власть создать основы государственнаго строя, но и власть законодательная и правительственная.

Само собой разумѣется, что многолюдный народъ, какъ русскій народъ, не можетъ непосредственно самъ осуществлять законодательную и правительственную власть. Прямая или непосредственная демократія мыслима лишь въ государствахъ съ небольшою государственной территоріей и немногочисленнымъ населеніемъ.

Въ прочихъ государствахъ, и въ частности въ Россіи, возможна только представительная демократія, т.-е. такой порядокъ, при которомъ народъ осуществляетъ свою власть черезъ своихъ представителей, избранныхъ на народныхъ выборахъ. И поскольку эти представители народа будутъ правильно избраны народомъ и отвѣтственны передъ народомъ, черезъ нихъ будетъ властвовать народъ и осуществлять свою волю.

Все вниманіе народа въ представительной демократіи должно быть сосредоточено на выборахъ на-

родныхъ представителей и на контролѣ ихъ дѣятельности. Если народъ правильно сдѣлалъ свой выборъ и бдительно слѣдитъ за своими избранниками, судьба его въ его собственныхъ рукахъ. Онъ—подлинный кузнецъ своей свободы и своего счастья.

В. Устиновъ.

БЕЗГЛАВЫЙ ПУШКИНЪ.

Диалогъ.

Писатель входитъ въ комнату своего друга. Здоровается и говоритъ сейчасъ же:

— Слушайте, угостите-ка меня чаемъ. Усталъ сегодня, жарко, пить хочется.

Другъ. Чай мы сейчасъ устроимъ. Видь у васъ плохой, это вѣрно.

Писатель. Говорю вамъ—усталъ. И кромѣ того—разстроень.

Другъ. Что-нибудь съ вами случилось? Не расскажете-ли?

Писатель. Со мной ничего не случилось, но вотъ, узналъ я одну вещь—и разстроился. Говорятъ, во Владимірѣ толпа солдатъ снесла голову у памятника Пушкину.

Другъ. Э, рано разстраиваетесь. Изъ того, что теперь говорятъ, надо вѣрить одной двадцатой, не больше. Можетъ быть, даже и памятника-то Пушкину во Владимірѣ нѣтъ и никогда не было. А можетъ быть есть и стоитъ невредимо.

Писатель. Дорогой мой, мнѣ важно не то, было это на самомъ дѣлѣ—или этого не было. Допустимъ, что слухъ вздорный. Плохо то, что если этого даже не было, то вполне могло быть. Другіе эксцессы того же порядка были, могъ быть и этотъ.

Другъ. Ну былъ, ну что жъ дѣлать! Конечно, памятники, какъ произведенія искусства, составляютъ общенародное достояніе. Понимаю васъ: вы всю жизнь отдали искусству, и вамъ больно, когда...

Писатель. Э, дѣло не въ этомъ. Можетъ быть, съ точки зрѣнія искусства памятникъ былъ такой скверный, что его давно надо было убрать. Дѣло тутъ не въ искусствѣ, а совсѣмъ въ другомъ. Знаете ли, я думаю, что самосуды надъ памятниками хуже, чѣмъ самосуды надъ живыми людьми.

Другъ. Что? Какъ вы сказали! Я не ослышался!

Писатель. Нѣтъ, не ослышались. Я, конечно, не такъ глупъ, чтобы думать, будто вещь, какая бы она ни была, можетъ быть дороже человѣка. Но вся эта исторія мнѣ важна не сама по себѣ, а лишь потому, что она собой знаменуетъ. Вѣдь въ разгромѣ ни въ чемъ неповинной вещи больше *безмыслицы*, чѣмъ въ убійствѣ ненавистнаго человѣка. Живой человѣкъ можетъ собой представлять живое дѣйствующее зло. И хоть это ужасно, все же въ расправѣ съ нимъ есть хоть какой-то грубый, практической смыслъ. Но когда человѣкъ въ порывѣ ярости уничтожаетъ вещь, которая для него безвредна и безопасна,—тутъ становится страшно. Вѣдь ужъ тутъ ничего не усмотришь, кромѣ голой, дикой, звѣриной ярости: тутъ—паденіе человѣка, еще менѣе грѣховное, чѣмъ въ убійствѣ, но еще болѣе жуткое, потому что оно, повторяю, безмысленно.

Другъ. Я васъ понимаю. Но вы пожалуй, дѣлаете ошибку, причисляя уничтоженіе памятниковъ къ уничтоженію «ни въ чемъ неповинныхъ» вещей.

Памятникъ—не просто вещь. Это не стулъ, не матраць. Памятникъ можетъ быть очень даже «повиненъ»—и это смотря по тому, кого и что онъ собой олицетворяетъ. Вонъ, въ Кіевѣ снесли памятникъ Столыпину. Увѣряю васъ, что будь я въ ту минуту въ Кіевѣ—я бы, пожалуй, самъ помогъ повалить его.

Писатель. А, другъ мой,—тутъ-то мы съ вами и подходимъ къ самому главному. Очень важно, конечно, какой памятникъ, т.-е. кому и чему онъ поставленъ. Но на минуту мы этотъ вопросъ оставимъ... И столыпинскаго памятника не надо было громить. Памятникъ все-таки ни въ чемъ не виноватъ.

Другъ. Нѣтъ, виноватъ въ томъ, что онъ—олицетвореніе всего свергнутаго строя. Онъ—памятникъ нашего вчерашняго рабства, онъ символъ самыхъ позорныхъ страницъ въ исторіи самодержавной Россіи. Не хочу смотрѣть на него, не хочу, чтобы онъ мнѣ мозолилъ глаза.

Писатель. Ну, и уберите его куда-ниоудъ. Будущій музей русской революціи естественно распадется на два отдѣла: въ одномъ будутъ собраны документы и предметы, повѣтствующие о борьбѣ народа противъ царизма, въ другомъ—памятники того, какъ царизмъ боролся съ народомъ. Если въ первомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто портреты декабристовъ, народовольцевъ и другихъ поборниковъ воли, то второму отдѣлу не обойтись безъ изображеній Побѣдоносцева, Трепова и т. д. И во дворѣ музея пусть бы стоялъ чугунный Столыпинъ. Нѣтъ, не слѣдовало громить и этотъ памятникъ. Темное, скверное есть въ каждомъ погромѣ въ каждомъ насиліи, противъ кого бы и противъ чего бы оно ни было направлено.

Другъ. Да, въ этомъ вы правы. Кромѣ того,—вамъ не кажется, что въ погромѣ памятниковъ есть что-то унижительное для самой революціи? Выходить такъ, что они ей чѣмъ-то опасны—и вотъ, она спѣшитъ отъ нихъ избавиться. Пора сознать, что народъ достаточно силенъ, чтобы не сражаться съ чугунными врагами. Вѣдь только дѣти ногами бьютъ то мѣсто, на которомъ они упали...

Писатель. Ну, вотъ, теперь вы поймете и главную причину моего расстройства. Вѣдь если насъ съ вами коробитъ отъ расправъ со Столыпинами, то что же сказать объ обезглавленіи Пушкина. Меня тутъ пугаютъ два страха разомъ: вѣдь кромѣ темной и злобной ненависти къ вещамъ, здѣсь проявилось нѣчто еще болѣе нелѣпое: вѣдь Пушкинъ-то не Столыпинъ, вѣдь громившіе Пушкина явно не знали, на что они поднимаютъ руку...

Другъ. Вы упускаете изъ виду, что погромъ стихійное явленіе. Вѣроятно, Владимірскіе солдаты чѣмъ-то раздражены, разгнѣваны—и вотъ, ярость ихъ рушилась на что попало, не разбирая, и разбирать не желая.

Писатель. Не вѣрно, не можетъ этого быть. Ни одинъ изъ этихъ солдатъ не поднялъ бы руку на красное знамя,—а Пушкину онъ снесъ голову, какъ ни въ чемъ не бывало. Это потому, что онъ (страшно сказать!) не имѣлъ представленія о томъ, что такое Пушкинъ. Громившіе Пушкина, конечно, впервые слышали это имя. Они не знали того, что это—памятникъ одному изъ величайшихъ русскихъ людей, что въ самомъ словѣ «Пушкинъ» больше свободы, чѣмъ во всѣхъ красныхъ знаменахъ. Не знали они того, что не только Пушкинская, но и всякая

другая истинная поэзія есть динамитъ, взрывающій самыя основанія неправаго общественнаго строя. До боли становится горько отъ темноты народной! Тотъ, кто хочетъ сейчасъ честно служить революціи и народу, долженъ итти и учить, учить, учить. Цари всегда опирались на невѣжество—и сейчасъ еще невѣжество есть самое могучее средство контръ-революціи. Культурныя силы Россіи только теперь получили доступъ къ народнымъ массамъ,—и сейчасъ ихъ первый, единственный долгъ—это согласными усиліями броситься въ пробитую брешь. Пора штурмовать невѣжество, уничтожить, смести его съ лица русской земли.

Другъ. Народъ это знаетъ самъ. Мнѣ приходилось бесѣдовать съ солдатами, съ крестьянами изъ самыхъ, что ни на есть, медвѣжьихъ угловъ. И вездѣ одно слышишь: надо учиться.

Писатель. «Надо учиться!» Вѣдь это значитъ, что сейчасъ въ Россіи на одного учителя приходится буквально тысячи учениковъ. Это значитъ, что дорога каждая минута, что надо итти на улицы и со всѣхъ перекрестковъ кричать: учите людей, печатайте книги, открывайте школы, организуйте чтенія! О, намъ нужна такая мобилизація культурныхъ силъ, какой еще міръ не видѣлъ. Мы, могущіе кого-нибудь и чему-нибудь научить—должны учить людей въ одиночку и группами, мы должны проникать въ каждую скважину невѣжества и помнить, что ни одно наше слово не пропадетъ даромъ...

Другъ. Ну, вотъ видите, какія открываются передъ вами возможности. А вы пришли и объявили мнѣ, что вы «разстроены». Такой работѣ вы должны радоваться.

Писатель. Милый другъ, по природѣ своей я бездарный организаторъ—и отъ этого девяносто девять процентовъ моей энергіи пропадаетъ даромъ. Я изнываю отъ желанія работать—а самъ вотъ сижу съ вами и попиваю чай. У меня нѣтъ ни умѣнія, ни средствъ организовать мою работу такъ, чтобы она принесла должный плодъ. И вотъ, я сижу и жду, чтобы мнѣ дали возможность работать. Одинъ въ полѣ—не то, чтобы вовсе не воинъ, но плохой воинъ. Все дѣло сейчасъ въ томъ, чтобы культурныя организациі, общества, союзы, издательства взяли на себя починъ и строительство. И это необходимо дѣлать сейчасъ же, не откладывая ни на минуту. Не то народная масса будетъ права, когда скажетъ: «сперва вы насъ не учили, потому что не могли,—а потомъ—потому что не хотѣли». И справедливо раздѣлить насъ на двѣ части: на лѣнтыевъ и негодяевъ.

[Владиславъ Ходасевичъ.]

НАШЕ ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Отъ стараго режима Свободной Россіи достался въ наслѣдство тяжкій финансовый кризисъ, подготовленный страшною войною, навязанною намъ Германіей.

Разорительная для всѣхъ государствъ міровая война отозвалась особенно неблагоприятно на нашихъ финансахъ, такъ какъ Россія, наименѣе богатая изъ великихъ державъ, выставила подъ ружье наибольшую по численности армію, содержаніе которой стоило огромныхъ денегъ.

Нами было израсходовано на войну:	
за 5 мѣс. 1914 г.	1.656,9 милл. руб.
» 1915 г.	8.815,4 » »
» 8 мѣс. 1916 г.	8.220 » »
	<hr/>
	18.692,3 милл. руб.

До конца года израсходовано было еще до 6 миллиардов рублей, такъ что общая сумма военныхъ расходовъ къ 1 января 1917 г. составляла приблизительно 25 миллиардовъ рублей.

Три пути имѣлось у государства къ тому, чтобы достать эти 25 миллиардовъ: налоги, кредитъ и бумажныя деньги.

Въ годы войны, когда вслѣдствіе мобилизации милліоновъ работниковъ, изсякаетъ источникъ налоговъ—народные доходы,—трудно покрывать растущіе расходы за счетъ повышенія налоговъ. Въ текущую войну этимъ путемъ пробовала идти богатая Англія: со 163 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ налоговое тягло было увеличено тамъ до 514 милліоновъ, т.-е. усилилось въ 3 раза, и все же Англія не могла покрыть налогами и одной пятой всѣхъ военныхъ расходовъ: за 2½ года войны дали налоги 774 милліона фунт. стерлинговъ при общей суммѣ расходовъ на войну равной 4.115 милліоновъ.

Подавно не приходилось намъ мечтать о томъ, чтобы вести войну за счетъ роста налоговъ: въ Англіи ежегодный народный доходъ составлялъ 2,2 миллиарда фунт. ст. или около 49 ф. ст. на душу населенія, а въ Россіи всего 1,5 миллиарда ф. ст., на душу—8 ф. ст.

Были и другія причины, не позволявшія возлагать особенныя надежды на налоги. Въ общей массѣ ежегодныхъ доходовъ государственнаго казначейства, доходившей наканунѣ европейской катастрофы до 3½ миллиардовъ рублей, около одной пятой—700 милліоновъ рублей представляли собою поступленія отъ казенной винной монополіи. Съ объявленіемъ войны казенная продажа питей была упразднена, и въ государственныхъ доходахъ образовалась огромная брешь, пополнить которую было чрезвычайно трудно, несмотря на введеніе ряда новыхъ налоговъ. Въ результатъ, въ противоположность Англіи, въ первые годы у насъ замѣчается не ростъ, а паденіе поступленій въ государственное казначейство.

Государственные доходы Россіи равнялись:	
въ 1913 г.	3.417 милл. руб.
» 1914 »	2.898 » »
» 1915 »	2.827 » »

Лишь въ 1916 г. замѣчается новое повышеніе доходовъ казначейства: за первые 9 мѣсяцевъ 1913 г. они равнялись 2.400 милл. руб., а за первые 9 мѣсяцевъ 1916 г.—2.880 милл. руб.

Но и это возрастаніе было только видимымъ: доходы 1913 г. исчислены въ золотыхъ рубляхъ, а доходы 1916 г.—рубли бумажные, имѣвшіе вдвое меньшую цѣнность и въ переводѣ на золото не составлявшіе и половины поступленій 1913 г.

Обычные доходы государства, какъ и слѣдовало предвидѣть, падали въ годы войны, и у казначейства оставалось только два способа достать нужныя для арміи деньги: займы и печатанье кредитныхъ билетовъ. Теоретически займы представляютъ собою не-

исчерпаемый источникъ средствъ, такъ какъ деньги, полученные казначействомъ, вскорѣ обратно поступаютъ на денежный рынокъ, откуда и могутъ быть извлечены снова и снова. Займы и являются главнымъ нервомъ современной войны: Англія 4/5 своихъ военныхъ расходовъ покрыла разнообразными кредитными операціями, а Германія одними только пятью долгосрочными займами получила на войну 47 миллиардовъ марокъ.

Къ займамъ прибѣгала и Россія, къ сожалѣнію, безъ такого успѣха. Займы надо было заключать громадныя, чтобы предупредить излишнее печатаніе бумажныхъ денегъ, подрывающее государственный кредитъ. Но для такихъ крупныхъ займовъ въ Россіи не было подходящей почвы. Въ Россіи всегда остро чувствовался недостатокъ капитала. Наканунѣ войны въ обращеніи находилось всего 2½ миллиарда рублей, крѣпко связанныхъ въ нашемъ по сравненію съ Западомъ очень громоздкомъ и косномъ торговомъ оборотѣ. При такихъ обстоятельствахъ не представлялось возможнымъ успѣшно провести заемъ въ ½—1 миллиардъ рублей, такъ какъ это означало извлеченіе изъ оборота отъ ¼ до ½ денежныхъ знаковъ.

Война и здѣсь ухудшила положеніе. Она принесла съ собою рѣзкое измѣненіе характера внѣшней торговли въ неблагопріятную для насъ сторону. До войны мы всегда продавали товаровъ за границу больше, чѣмъ покупали сами, и потому внѣшняя торговля сопровождалась притокомъ денегъ изъ-за границы въ Россію. Въ 1912 г., напримѣръ, избытокъ вывоза надъ ввозомъ достигалъ 347 милліоновъ рублей, въ 1913 г.—146 милліоновъ, напротивъ, съ начала войны, когда намъ пришлось покупать у иностранцевъ предметы снаряженія для арміи, а вывозъ товаровъ изъ Россіи былъ до крайности затрудненъ, ввозъ сталъ превышать вывозъ.

Избытокъ ввоза надъ вывозомъ:

1914 г.	142,6 милл. руб.
1915 »	751,1 » »
1916 »	2.103,2 » »

Продолжалъ расти дефицитъ по внѣшней торговлѣ и въ 1917 г. Съ 1 января по 15 мая 1916 г. онъ достигалъ 502,2 милл. руб., а съ 1 января по 15 мая 1917 г.—737,7 милл. руб.

Само собою разумѣется, этотъ все увеличивающійся избытокъ ввоза заставлялъ насъ доплачивать разницу деньгами и долженъ былъ вызвать сильный отливъ золота за границу. И такъ какъ въ общей сложности за время войны мы купили на 3½ миллиарда рублей больше товаровъ, чѣмъ продали, а золотой запасъ Государственнаго Банка не составляетъ и 1½ миллиардовъ, то, очевидно, мы давно оказались бы несостоятельными если бы не кредиты, открытые намъ союзниками въ суммѣ 9,4 миллиардовъ рублей. Но какъ ни велики были эти кредиты, несомнѣнно неблагопріятный характеръ внѣшней торговли не могъ не вызвать извѣстнаго отлива денегъ за границу.

Еще болѣе сильное вліяніе на состояніе денежнаго рынка оказало послѣдовавшее за войною рѣзкое сокращеніе кредита. Сдѣлки въ кредитъ повсюду смѣнились сдѣлками за наличный расчетъ, требующими несравненно большаго количества денегъ для того же самаго товарнаго оборота. Нужда въ деньгахъ въ связи съ потрясеніемъ кредита возросла миллиарда на 1½ и свободныхъ средствъ на денежномъ рынкѣ

не оказывалось, и займы успѣхомъ пользоваться не могли.

Не улучшили положеніе денежнаго рынка и безпрерывные выпуски бумажныхъ денегъ. Сначала они быстро рассасывались въ оборотѣ потому, что въ нихъ чувствовалась обостренная нужда вслѣдствіе развитія сдѣлокъ за наличныя; послѣ, они столь же быстро исчезали въ каналахъ обращенія потому, что товарныя цѣны быстро шли въ гору, благодаря обезцѣненію рубля и недопроизводству продуктовъ. Вслѣдствіе этого на денежномъ рынкѣ не оказывалось свободныхъ средствъ, не было и почвы для успѣшнаго размѣщенія займа.

Всего долгосрочныхъ займовъ до января 1917 г. у насъ было выпущено на сумму въ 3 милліардовъ рублей нарицательныхъ. Сколько по нимъ поступило денегъ въ казначейство, пока сказать невозможно, но, повидимому, поступления эти были болѣе чѣмъ недостаточны, такъ какъ неуспѣхъ займовъ стараго режима общеизвѣстенъ. Не получая денегъ инымъ путемъ, правительство волей-неволей должно было прибѣгать къ усиленному печатанію бумажныхъ денегъ, и къ 1 января 1917 г. кредитныхъ билетовъ было выпущено въ обращеніе на сумму 7,4 милліарда рублей, что вмѣстѣ съ обращеніемъ мирнаго времени, равнымъ 1,6 милліардамъ, дало 9 милліардовъ рублей. Наканунѣ революціи эта сумма возросла до 10 милліардовъ...

Такъ при старомъ режимѣ государство жило бумажными деньгами. Но когда этихъ денегъ печатаютъ слишкомъ много, падаетъ ихъ покупательная сила, растутъ товарныя цѣны, растутъ все быстрѣй и быстрѣй, и печатному станку все труднѣе становится угнаться за цѣнами. А когда обезцѣниваются деньги, подрывается кредитъ государства. Съ недовѣріемъ начинаютъ относиться къ займамъ, по которымъ государство ссужаютъ рублемъ, стоящимъ, скажемъ, 80 коп. золотомъ, а получаютъ въ уплату рубль, стоящій 50 или 40 коп., если не меньше. Подрывъ кредита, въ свою очередь, обостряетъ неуспѣхъ займа, и тѣмъ даетъ новый толчокъ къ печатанію бумажныхъ рублей. Такой же толчокъ даетъ и паденіе государственныхъ доходовъ, поступающихъ въ деньгахъ, стоящихъ все меньше и меньше. И тогда получается заколдованный кругъ, пока не наступитъ моментъ краха, когда для покрытія текущихъ расходовъ не станеть хватать ни печатныхъ станковъ, ни бумаги.

Къ этому краху шелъ неуклонно старый режимъ, на пути къ нему стоитъ, по словамъ министра, и новый строй, такъ какъ революція не принесла съ собой ожидавашагося улучшенія финансовъ.

Прежде всего, не оправдалъ надеждъ заемъ свободы. Плоды революціи и свободы никогда не сказываются сразу, много еще времени пройдетъ, пока творческій духъ народнаго труда оживитъ страну и мощно разовьетъ ея промышленность и земледѣліе, а до тѣхъ поръ мы остаемся все тою же бѣдною капиталами Россіей и по прежнему внутренніе займы крупныхъ размѣровъ не смогутъ проходить съ достаточнымъ успѣхомъ. И подписка на заемъ свободы, которая должна была къ 1 іюня дать 3 милліарда рублей, къ 5 іюня дала всего 1.375 милліоновъ ¹⁾.

¹⁾ Къ 26 іюня по даннымъ Кредитной Канцеляріи сумма подписки на заемъ свободы достигла 1.852 милл. рублей.
Ср. Ч.

Не увеличиваются и поступления налоговъ. Напротивъ, пока въ министерствѣ вырабатываются проекты новыхъ налоговъ, граждане, забывая свой долгъ передъ родиной, почти перестали уплачивать старые налоги, какъ это всегда бываетъ въ моменты внутреннихъ неурядицъ и слабой власти.

Между тѣмъ, расходы государства возросли. И если ростъ ихъ представляетъ явленіе стихійное и неизбежное въ мѣру развитія войны, то повышенная оплата труда ускорила этотъ естественный ростъ расходовъ казначейства. Съ 50 милліоновъ рублей въ день они поднялись до 60 милліоновъ, и не далеко время, когда мѣсячные расходы государства превысятъ 2 милліарда рублей. И какъ всегда въ моменты роста расходовъ при падающихъ доходахъ, все сильнѣе и сильнѣе дѣлается недостатокъ доходовъ, все больше становится дефицитъ, все большую и большую долю расходовъ приходится покрывать печатаніемъ бумажныхъ денегъ. И если въ первый годъ войны въ среднемъ за мѣсяць выпускалось кредитовъ на 177 милліоновъ рублей, то въ первые 3 мѣсяца революціи въ среднемъ за мѣсяць въ оборотъ поступало свыше 700 милліоновъ рублей...

Трудно сказать, какъ долго еще въ состояніи будетъ государственное казначейство жить роковою работою печатнаго станка; во всякомъ случаѣ, очевидно, что если финансовое положеніе наше не измѣнится къ лучшему, если не возрастутъ поступления по налогамъ и займамъ, Россіи придется пережить полосу тяжкихъ финансовыхъ потрясеній.

Ср. Чалхушьянъ.

СТРАШНОЕ СЛОВО

Непрочны и шатки идейныя обоснованія войны, предложенныя официальной дипломатіей Европы. Защита малыхъ народностей, ссылки на международное право, протестъ противъ жестокостей нѣмцевъ и варварскаго разрушенія культурныхъ и художественныхъ памятниковъ,—наконецъ, послѣдній доводъ—борьба противъ милитаризма, война войнѣ: всѣ эти гуманитарныя идеи какъ будто висятъ въ воздухѣ. Неумолимы роковые законы исторіи, непреложны пути матеріальнаго развитія государственныхъ образованій. И какія бы прекрасныя слова ни говорилъ либеральный Вильсонъ, ему не повѣрятъ всѣ тѣ, кто не забылъ еще исторіи недавнихъ дней. Скептики напоятъ Франціи ея мароккскія дѣла, Англійи ея отношенія къ Ирландіи и кое-что иное, Россіи—ея вчерашнюю политику по отношенію Польши и такъ далѣе, и такъ далѣе. Исторія не сантиментальна. И муза Кліо изъ всего написаннаго любитъ только то, что написано кровью. Нетрудно критиковать официальную идеологию союзниковъ. Еще легче иронизировать надъ нею. Такъ и поступаютъ торопливые люди, увлеченные соблазномъ разбить наголову буржуазныхъ лицемѣровъ. Но если намъ дорога не легкая побѣда надъ философией либеральныхъ дипломатовъ, а историческая правда и раскрытіе подлиннаго смысла міровой трагедіи, мы обязаны отказаться и отъ ненужной полемики, и отъ тѣхъ отвлеченныхъ и безсодержательныхъ соціологическихъ формулъ, которыми нѣкоторые дѣятели и писатели думаютъ оправдать свое «непротивленіе злу насиліемъ».

Допустимъ, что война въ самомъ дѣлѣ есть «предупредительная война», какъ это объясняютъ хитроум-

ные нѣмцы; допустимъ, что въ самомъ дѣлѣ Германія потому начала войну въ іюль 1914 года, что ей будто бы пришлось все равно вести ее въ 1917 году, ибо Русская имперія и Французская республика готовились къ этому сроку аннексировать Берлинъ; допустимъ, что «коварная» Англія мечтала объ этой войнѣ въ надеждѣ расхитить достоянія прусскихъ королей; допустимъ, что Сербія составила адскій планъ сверженія габсбургскаго дома и восстановленіе политическихъ и гражданскихъ правъ славянскихъ народовъ Австріи; допустимъ, что всѣ эти сказки не сказки, а самая подлинная, самая настоящая правда: какой же выводъ надо сдѣлать изъ всѣхъ этихъ предположеній? Выводъ можетъ быть только одинъ, на первый взглядъ, убійственный для сторонниковъ войны противъ нѣмцевъ, для всѣхъ, кто не считалъ возможнымъ, сидѣть сложа руки, когда прусскія полчища вторглись въ предѣлы нейтральной Бельгіи и перешли границу несчастной Польши. Выводъ такой: всѣ государства воюють за право самоопредѣленія и самоутвержденія; всѣ государства воюють за расширеніе своихъ предѣловъ и своего вліянія.

Однимъ словомъ, всѣ государства имперіалистичны. Но что такое это страшное слово *имперіализмъ*? Имперіализмъ есть стремленіе государства къ усиленію своей мощи, и въ своемъ предѣлѣ — къ всемірному вліянію.

Хорошо это или худо? Относительно этого могутъ быть разныя мнѣнія. Одни, какъ наприимѣръ, толстовцы или анархисты-коммунисты будутъ усматривать въ имперіализмѣ зло и только зло. Анархисты скажутъ вамъ, что исторія ничего не стоитъ, что государство есть особаго рода соціально-политическій обманъ, организованный злодѣями для поработенія трудящагося народа. Поэтому—скажутъ они—надо не только отрицать въ имперіализмѣ какой-либо смыслъ, но надо бороться съ его первопричиною, т.-е. съ государствомъ. Такъ или иначе, но надо разрушить государство и убить самую идею государственности. Такъ думалъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ анархистовъ—Бакунинъ. Онъ вѣрилъ, что надо вовсе отказаться отъ исторіи и сложившейся тысячелѣтніями культуры; надо все разрушить; уничтожить всѣ связи и отношенія между людьми и среди полного безпорядка, на обломкахъ міровой культуры, начать строить жизнь на новыхъ основаніяхъ «снизу вверхъ». Левъ Толстой, проповѣдуя непротивленіе злу насиліемъ, въ сущности предлагалъ такъ же, какъ и Бакунинъ, забыть всю исторію человечества. Идеи эти достойны размышленія и критики, но цѣль моей замѣтки не въ этомъ. Я хочу только указать на невозможность смѣшивать и путать эти два непримиримыхъ взгляда на исторію. Или мы по-бакунински и потолстовски должны махнуть рукою на все прошлое міровой жизни, или мы должны признать преемственность жизни, культуры, исторіи, признать законмѣрность и послѣдовательность въ развитіи хозяйственныхъ и политическихъ формъ человеческого общества. Такъ думаютъ социалисты, признавшіе наукообразное ученіе Карла Маркса; такъ думаетъ огромное большинство просвѣщенной и либеральной европейской демократіи.

Итакъ, какое-же значеніе имѣетъ *имперіализмъ* въ этомъ историческомъ и объективно-научномъ планѣ? Не очевидно ли, что само по себѣ стремленіе государства къ укрѣпленію и развитію своего значенія и влія-

нія преступно по-существу лишь съ анархической точки зрѣнія? Или мы должны вовсе отрицать начало государственности, или мы должны признать за этимъ началомъ право на естественное развитіе. Все то, что перестаетъ развиваться, погибаетъ. Скажемъ откровенно: «мы желаемъ гибели и разрушенія всей міровой культуры»—въ этомъ будетъ смыслъ и послѣдовательность—и тогда мы будемъ отрицать имперіализмъ. Если же мы хотимъ не разрушенія, а прогресса, то мы должны признать за государствомъ право на развитіе всѣхъ своихъ силъ, то-есть на имперіализмъ.

Вопросъ, значить, не въ томъ, быть или не быть имперіализму, а въ томъ, *какой* имперіализмъ мы считаемъ допустимымъ, желаннымъ или необходимымъ и *какой*, напротивъ, является недопустимымъ и реакціоннымъ. При этомъ, разумѣется, руководствуясь своей эгоистической національной точкою зрѣнія, мы всегда впадемъ въ ошибку и будемъ несправедливы въ оцѣнкѣ того или иного имперіализма, заявившаго о себѣ на исторической сценѣ. Но можетъ быть и другой взглядъ на имперіализмъ—взглядъ, опредѣляющийся волею къ всемірному благу, къ общечеловѣческому прогрессу.

Человѣчество стремится неудержимо къ единству. Когда будутъ изжиты формы государственности, тогда откроется новая возможность для осуществленія этого единства. Социалисты не утопическаго склада признають, что эти государственныя формы потеряють свой смыслъ, когда общество будетъ социализировано, т.-е. когда всѣ орудія производства на всемъ земномъ шарѣ будутъ обобществлены, но пока существуютъ такія патріархально земледѣльческія страны, какъ Индія, Китай или Россія, на социализацію всей хозяйственной жизни мало надежды. А пока путемъ развитія культуры и соціального реформизма мы лишь медленно приближаемся къ этой намъ желанной цѣли, государства еще крѣпко стоятъ на своихъ мѣстахъ. Возможно, что въ недалекомъ будущемъ, по доброму почину Россіи, уйдуть монархи на покой—не будетъ вѣнценосныхъ гогенцоллерновъ и габсбурговъ, какъ не стало коронованныхъ романовыхъ, но демократическія республики будутъ не менѣе имперіалистичны, чѣмъ монархіи, ибо каждая республика будетъ стремиться къ гегемоніи. Допустимъ, что всѣ европейскія государства, какъ ни фантастично это предположеніе, объединятся въ федерацію республикъ, но, вѣдь, и тогда не умретъ имперіалистическая идея, потому что Европейскіе Соединенные Штаты будутъ оспаривать первенство въ мірѣ, у Соединенныхъ Штатовъ Америки. Сдѣлаемъ еще болѣе фантастическое предположеніе: повѣримъ въ возможность федераціи Американско-Европейской—даже это утопическое предположеніе не исключаетъ имперіализма, ибо Африка, Азія и Южная Америка, какъ рынки, окажутся въ сферѣ имперіалистическаго вліянія этой сказочной Великой Федераціи.

Имперіализмъ существуетъ и будетъ существовать, пока весь міръ не измѣнитъ кореннымъ образомъ своего хозяйственнаго устройства на началахъ социалистическихъ. А пока, считаясь съ исторіей, мы должны оцѣнивать борющіяся за міровую гегемонію государства въ зависимости отъ нашихъ взглядовъ на тѣ идейныя и культурныя начала, какія они стремятся внести въ міръ.

Тотъ, кому нравятся воинственныя фанфары Ри-

харда Вагнера, проповѣдь сверхчеловѣческой морали Ницше, отрицаніе христіанской идеи богочеловѣчества, то-есть равенства и равновѣсія началъ духовныхъ и матеріальныхъ, божественныхъ и человѣческихъ; кого плѣняетъ безмѣрное развитіе техники и желѣзная дисциплина Пруссіи, тотъ долженъ нѣмецкій империализмъ, вооруженный и завоевательный, привѣтствовать радостно и желать ему успѣха.

Но германская культура, при всей значительности своей, не единственная въ мірѣ. И ея гегемонія можетъ казаться болѣе опасной для человѣчества, чѣмъ стремленіе къ міровому вліянію иныхъ странъ, народовъ и государствъ, которые въ самомъ империализмѣ своемъ по существу не реакціонны, не безчеловѣчны и не безбожны.

Значитъ, вопросъ объ империализмѣ сводится къ вопросу объ оцѣнкѣ той или иной культуры, которую стремится утвердить въ мірѣ государство, претендующее на міровое значеніе. Хорошая или дурная культура была въ Германіи за эти послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, это, разумѣется, зависитъ отъ взгляда и убѣжденій человѣка, но было бы честнѣе и умнѣе не таить своихъ симпатій или антипатій, малодушно скрывая свое лицо подъ маскою «интернаціоналиста». Какія бы событія ни произошли въ Европѣ, въ эти іюньскіе и іюльскіе дни рѣшается судьба Германской имперіи, безотвѣтственного нѣмецкаго правительства, питомника королей, претендующихъ на престолы европейскихъ государствъ, судьба вообще монархической идеи. Тотъ, кто не съ Гогенцоллернами, тотъ противъ нихъ. Напрасно уклоняться отъ неизбѣжной отвѣтственности.

Послѣ разгрома Франціи въ 1870 году все стало ясно. Бисмаркъ опредѣлилъ надолго судьбу Германіи. И Вильгельмъ II послушно играетъ роль, которую ему изъ ада, какъ изъ суфлерской будки, подсказываетъ тѣнь бранденбургскаго дворянина, когда-то лишенаго своихъ чрезвычайныхъ полномочій самонадѣяннѣмъ императоромъ.

Въ заключеніе этѣй замѣтки о «страшномъ словѣ», которое въ самомъ дѣлѣ страшно, когда оно выражаетъ духъ современной германской культуры, я позволю себѣ привести выписку изъ сочиненія самаго пламеннаго, самаго страстнаго борца за идею соціальной революціи: «Въ отношеніи къ революціонному движенію въ Европѣ Россія, въ рукахъ прусскихъ государственныхъ людей, играла роль пугала, а нерѣдко и ширмъ, за которыми они очень искусно скрывали свои собственные завоевательныя и реакціонныя предпріятія. Послѣ же удивительнаго ряда побѣдъ, одержанныхъ прусско-германскими войсками во Франціи, послѣ окончательнаго низложенія французской гегемоніи въ Европѣ и замѣщенія ея гегемоніей пангерманской, ширмъ этихъ стало не нужно, и новая имперія, осуществившая заповѣднѣйшія мечты нѣмецкаго патріотизма, выступила откровенно во всемъ блескѣ своего завоевательнаго могущества и своей систематически реакціонной инициативы».

Да послужатъ эти слова предостереженіемъ для тѣхъ, кто, увлекаясь соціальнымъ утопизмомъ, играютъ въ руку темному и реакціонному империализму Германіи.

Борисъ Кремневъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Переломъ въ настроеніяхъ.—Переходъ къ «трезвому слову» въ центрѣ. «Большевизмъ» на мѣстахъ—Кирсановская «генераль-прокуратура».—«Революціонный Царицынъ» и новые «его величество».—Дѣла казанскія и астраханскія.—Украина и Россія.—Московскіе выборы.

«Переломъ въ настроеніяхъ»—его замѣчаютъ всѣ. Онъ и на фронтѣ, и въ тылу. На фронтѣ братаніе и сепаратное перемиріе смѣнились наступленіемъ, которое все усиливается и развивается. Развалъ арміи остановился. Все это встрѣчено сочувственно въ широкихъ общественныхъ кругахъ. И въ тылу теперь слышатся «трезвыя рѣчи», призывающія не къ развалу, а къ работѣ и строительству. Временное Правительство, какъ будто, очнулось отъ летаргіи. И въ центральныхъ «революціонныхъ» органахъ, въ совѣтахъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, далеко не тѣ настроенія и рѣчи, какія были еще недавно. А московскіе выборы дали и весьма убѣдительно доказательство, что эта волна «большевизма» и всяческаго максимализма, по крайней мѣрѣ въ центрѣ, на ущербѣ. Партія большевиковъ оказалась на четвертомъ мѣстѣ по числу собранныхъ голосовъ. Московское населеніе высказалось за партію, которая большевистскихъ лозунговъ на своемъ знамени не выставляетъ.

Если бы мѣсяца полтора-два назадъ кто-нибудь рискнулъ выступить съ такими рѣчами, какія теперь произносятъ нѣкоторые министры-соціалисты, то его безъ колебанія причислили бы къ разряду тѣхъ, кто замышляетъ «контръ-революцію». Въ той атмосферѣ недоувѣрія и подозрительности, какая внушалась по отношенію къ Временному Правительству, когда и по части «сепаратныхъ перемирій» слышались инныя мнѣнія, когда происходила реорганизація арміи въ духѣ пресловутаго «приказа № 1», когда всѣ войска петроградскаго гарнизона изымались изъ вѣдѣній генерала Корнилова, нынѣ побѣдоносно ведущаго арміи въ бояхъ, и подчинялись руководительству совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; когда пускались въ ходъ такія мѣры воздѣйствія, какъ уличное движеніе 21 апрѣля, въ такой атмосферѣ нынѣшнія «трезвыя рѣчи» были бы невозможны. Но, жизнь привела къ такимъ рѣчамъ.

Раньше только слышались рѣчи о необходимости «расширенія и углубленія революціи». Буржуазія объявлялась контръ-революціоннымъ станомъ. Шли толки о необходимости бдительнаго и неустаннаго контроля за Временнымъ Правительствомъ, которое, яко бы, тоже способно на всякую «контръ-революцію». Захватамъ и насиліямъ не ставилось никакихъ предѣловъ. Явочнымъ порядкомъ считалось возможнымъ достигнуть всего. Не было конца края всякимъ фантастическимъ проектамъ. Реализовать ихъ считалось дѣломъ весьма легкимъ. Имущій классъ долженъ дать на все средства. У предпринимателей предполагалось отобрать весь доходъ. Сожалѣли, что нельзя этого сдѣлать за прошлое время, такъ какъ акціонерныя компаніи уже роздали акціонерамъ дивидендъ. Когда въ виду такихъ перспективъ предприниматели приходили къ «власть имущимъ», клали ключи отъ предпріятій, торговыя книги и говорили: «Берите и дѣлайте, что хотите», то имъ отвѣчали: «мы знаемъ, когда надо взять и что надо взять». Такую сдачу своей позиціи предпринимателями считали преступнымъ.

посягательством на революцію, устройством локаута въ «контръ-революціонныхъ цѣляхъ».

Но, прошло время, то, что говорилось, дало свои плоды. Колебаніе власти породило анархію. Рѣчи о разныхъ явочныхъ и захватныхъ возможностяхъ нашли широкій откликъ. То, что произошло, стало отрезвлять, даже пугать. Постепенно стало проясняться для многихъ, что Россію нельзя положить на прокруство ложе, что существуютъ объективныя условія, черезъ которыя не перепрыгнешь, что арсеналь всякихъ возможностей не такъ ужъ богатъ и что многое, что казалось возможнымъ, въ дѣйствительности неосуществимо. И теперь мы слышимъ такія «трезвыя рѣчи», что «революція даетъ народу огромныя права, но налагаетъ и тяжелыя обязанности». Въ своемъ обращеніи ко всѣмъ рабочимъ Россіи министр-соціалистъ М. М. Скобелевъ говоритъ: «Товарищи—рабочіе! Помните не только о своихъ правахъ, но и о своихъ обязанностяхъ, не только о своихъ желаніяхъ, но и о возможности ихъ удовлетворенія, не только о своемъ благѣ, но и о жертвахъ, необходимыхъ во имя закрѣпленія революціи и торжества нашихъ конечныхъ идеаловъ». «Чрезмѣрныя требованія» оказались не «выдумкой». «Вы иногда добиваетесь,—говоритъ министръ къ рабочимъ,—такого увеличенія заработной платы, которое дезорганизуеетъ промышленность и истощаетъ казну», «нерѣдко рабочіе отказываются отъ всякихъ переговоровъ съ владѣльцами предприятий, настаиваютъ, подъ угрозой насилій, на удовлетвореніи выставленныхъ ими требованій», «чинятъ насилія надъ служащими и директорами, удаляютъ ихъ по своему усмотрѣнію, вмѣшиваются самочинно въ техническое управление предприятиями или даже пытаются захватывать всецѣло въ свои руки промышленныя предприятия». Теперь такіе захваты объявляются стихійными выступленіями, вредными для хозяйственной жизни страны, останавливающими развитіе производительныхъ силъ, не приближающими, а отдаляющими осуществленіе соціалистическаго идеала. Предлагается вспомнить, что Россія находится еще въ капиталистической стадіи развитія, не изжила ее, что Россія не окружена китайской стѣной и одна, безъ совмѣстныхъ усилій трудового народа другихъ странъ, не можетъ достигнуть соціального переворота. Изъ устъ того же министра труда М. М. Скобелева мы слышимъ теперь, что «самое безпощадное обложеніе имущихъ классовъ не разрѣшитъ финансовой проблемы. Русскій капитализмъ слишкомъ молодъ, и даже при обращеніи огромной части русскихъ капиталовъ въ пользу государства нельзя будетъ устранить финансовой разрухи».

Отъ былыхъ «явочныхъ перспективъ и возможностей» въ трезвыхъ рѣчахъ настоящаго времени не осталось и слѣда. «Мнимыми» называются тѣ экономическія выгоды, которыя достигаются за счетъ усиленія опасностей для страны извнутри и военныхъ извнѣ, и которыя грозятъ дѣлу завершенія демократизаціи Россіи. Скоро ихъ назовутъ преступными. Министръ-соціалистъ П. Г. Церетелли находитъ теперь, что полное осуществленіе 8-ми часового рабочаго дня возможно лишь въ нормальныхъ условіяхъ, что если фиксировать цѣны на издѣлія, непременно необходима и фиксація заработной платы. М. М. Скобелевъ полагаетъ, что вопросъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ удобнѣе всего можетъ разрѣшаться соглашеніемъ представителей промышленности и труда.

Жизнь заставила отрезвиться, привела къ сознанию, что анархія и хозяйственная разруха могутъ привести только къ гибели дѣла революціи, что при дурныхъ инстинктахъ, вышедшихъ наружу, никакая созидательная работа невозможна. Вмѣсто анархіи нужна власть, вмѣсто захватовъ нуженъ созидательный трудъ. Въ центрѣ начинаютъ сознавать это, а въ провинціи еще продолжается разливъ демагогической агитаціи. Тамъ еще властвуютъ «настроенія захватовъ» и нужна напряженная борьба съ ними.

Провинціальныя «республики» продолжаютъ возникать. Однѣ ликвидируются, другія вновь образуются. Только недавно ликвидирована «Кирсановская республика», учрежденная мѣстнымъ сумасшедшимъ торговцемъ посудой Трунинымъ, объявившимъ себя «волею народа генераль-прокуроромъ г. Кирсанова». «Волею народа» онъ раздавалъ махорку солдатамъ и распивалъ съ ними спиртъ, «волею народа» арестовывалъ каждого, кто ему не нравился, вызывалъ командира квартирующаго въ Кирсановѣ полка присутствовать при производствѣ имъ, «генераль-прокуроромъ» угодныхъ солдатъ въ офицерскіе чины и при отправкѣ неугодныхъ офицеровъ «къ чортовой матери». Въ Кирсановѣ отмѣнялись распоряженія Временнаго Правительства. Кирсановскій якобинскій конвентъ постановлялъ о «реквизиціи капиталовъ», натравливалъ населеніе противъ евреевъ, у которыхъ, яко бы, скрыты хлѣбъ и сахаръ. Въ кирсановскомъ конвентѣ засѣдали бывшіе члены союза русскаго народа и у самого Трунина при его арестѣ былъ отобранъ союзнической стягъ. Ликвидация кирсановской «генераль-прокуратуры» не обошлась безъ жертвъ. Войска должны были стрѣлять въ засѣвшихъ въ думѣ сторонниковъ Трунина. И теперь послѣ ликвидаціи броженіе въ Кирсановѣ, по словамъ газетъ, еще не совсѣмъ улеглось.

Еще сильнѣе захватныя настроенія властвуютъ въ «революціонномъ Царицынѣ». Въ Царицынѣ,—пишетъ «Сарат. Вѣстн.»,—«гарнизонъ наложилъ контрибуцію въ нѣсколько милліоновъ рублей на мѣстныхъ промышленниковъ и торговцевъ, объявилъ всѣхъ офицеровъ контръ-революціонерами, разжаловалъ полковника Короткина за то, что тотъ отправилъ маршевую роту на фронтъ, захватилъ власть, призывалъ осуществить «дѣлежъ частной собственности». Въ городѣ не стало житья отъ насилій, грабежей и убійствъ». Тамъ всѣмъ управляетъ большевикъ Мининъ.

Но кто же такой этотъ Мининъ, который такъ удачно разрушилъ дисциплину царицынскаго гарнизона и свелъ революцію къ разбою, захватамъ, насилію и грабежамъ? Эта фигура очень любопытна и не даромъ казаки потребовали выясненія не только его личности, но и вдохновляющаго его нѣмца Германа.

Газеты полны разоблаченіями и теперь уже установлено, что Мининъ вовсе не соціалистъ, а правая рука и помощникъ Иліодора, подвизавшійся на страницахъ одной царицынской газеты.

Вотъ этотъ темный иліодоровецъ и руководилъ теперешней царицынской «революціей» и разрушеніемъ царицынской военной силы, которую онъ натравлялъ на офицеровъ, на земцевъ, на интеллигентовъ, на женщинъ и на крестьянъ.

Обнаружилось и еще, что сзади его стоялъ неизбежно одинъ и тотъ же шептунъ и вдохновитель—нѣ-

мечь-остзеець Германъ, въ рукахъ котораго Мининъ сталъ такой же игрушкой, какой онъ былъ въ черносо-тенныхъ рукахъ Илюдора.

Кирсановъ и Царицинъ — не исключенія. «Въ Томскѣ—читаемъ въ «Утрѣ Россіи»—подъ флагомъ анархизма объединилъ вокругъ себя всѣ темные элементы нѣкто Ключевъ. Онъ тоже осуществляетъ ленинскую программу: были захваты банковъ, аресты купцовъ и избіеніе офицеровъ». («Ут. Рос.» 8 іюня). Та же газета пишетъ, что размахъ уголовно-ленинскаго анархизма не ограничился въ Сибири Томскомъ, а бурлитъ также въ Красноярскѣ. Въ «Рѣчи» описана «ревельская республика». Газетные столбцы ежедневно пестрятъ извѣстіями объ аграрныхъ захватахъ. Въ Переяславѣ диктаторствуетъ Хрусталева-Носарь, котораго хотя теперь обрѣтается подъ арестомъ, но объ освобожденіи котораго усиленно хлопчутъ «хрусталевацы». Анархическая зараза изъ Царицына перебрасывается на Астрахань.

Совершенно иного порядка—сепаратическія теченія, столь обильно обнаружившіяся у разныхъ народностей Россіи. Особенно значительнаго развитія достигло украинское движеніе; волны, имъ поднятыя, вздымаются очень высоко. 10 іюня делегаты второго украинскаго войскового съѣзда въ Кіевѣ у памятника Богдана Хмельницкаго провозгласили «вольную Украину». Тогда же былъ принятъ «Универсалъ», актъ выработанный центральной украинской радой о введеніи революціоннымъ путемъ автономіи Украины. По разному толкуется этотъ актъ. Одни понимаютъ, что этимъ актомъ уже провозглашена автономія Украины и создано въ лицѣ генеральнаго секретаріата особое временное украинское правительство, которое независимо отъ центрального Временнаго Правительства и можетъ накладывать *вето* на всѣ распоряженія послѣдняго, касающіяся Украины. По другому толкованію, генеральный секретаріатъ—только органъ исполнительной власти въ Украинѣ, и, что вновь организованныя украинскія учрежденія лишь займутся разработкой проектовъ національно-территориальной автономіи. Какъ бы тамъ ни было, украинское движеніе получило крупный политическій размахъ. Оно подготовлялось долгими годами угнетенія въ условіяхъ стараго режима украинской народности.

Мы ни на одну минуту не ставимъ на одинъ уровень національное движеніе съ разнаго рода анархическими проявленіями. Ихъ отдѣляетъ цѣлая пропасть, это—явленіе совершенно различныхъ порядковъ. Но, одно ихъ сближаетъ: національное движеніе стремится разрѣшать вопросы также явочнымъ порядкомъ, не дожидаясь ихъ рѣшенія въ Учредительномъ Собраніи. Одинъ изъ украинскихъ вождей на всеукраинскомъ крестьянскомъ съѣздѣ говорилъ: «Надо помнить, что только то, что будетъ взято теперь, будетъ взято навсегда». Это та же психологія, которая заставляетъ людей стремиться поставить Учредительное Собраніе передъ цѣлымъ рядомъ совершившихся фактовъ въ области земельныхъ захватовъ, и др. Отсюда тѣ же послѣдствія: безначаліе, дезорганизація, анархія. И мы видимъ, что солдаты украинскихъ полковъ въ Кіевѣ выдвигаютъ разные поводы, которые не даютъ имъ возможности отправиться на фронтъ. Въ Кіевѣ они хотятъ защищать делегатовъ украинскаго съѣзда, которымъ никто не угрожаетъ, а въ Одессѣ они требуютъ предварительнаго сформирова-

нія украинскихъ полковъ, батарей и бригадъ съ украинскимъ начальствомъ. И это въ то время, когда у воротъ Украины стоятъ вражескія силы, опустошившія нѣсколько ея богатыхъ уѣздовъ, и которыя, быть можетъ, снова причинятъ ей большія бѣдствія, въ то время, когда Россія и безъ того страдаетъ отъ всякаго рода разрушительныхъ проявленій, создающихъ на путяхъ ея свободнаго развитія неисчислимыя трудности и преграды.

Мы уже сказали, что исходъ московскихъ городскихъ выборовъ имѣетъ большое показательное значеніе. Большинство голосовъ собралъ списокъ кандидатовъ въ гласные № 3, выставленный партией социалистовъ-революціонеровъ. Этой партиі будетъ принадлежать 116 мѣстъ въ Городской Думѣ. Остальныя партиі будутъ располагать значительно меньшимъ числомъ мѣстъ: партиа народной свободы получаетъ 34 мѣста, народныя социалисты—3, социаль-демократы меньшевики—24, социаль-демократы большевики—23. Соц.-дем. организація «Единство» (Плехановцы) и либерально-демократическій союзъ собрали такъ мало голосовъ, что они вовсе не будутъ представлены въ Думѣ даже при системѣ пропорціональнаго представительства.

Московская печать различно комментировала итоги выборовъ. Удручены пораженіемъ большевики. Совсѣмъ обезкуражены народныя социалисты. Разсчитывали на большее число мѣстъ кадеты. Оказались сильно подрѣзанными расчеты меньшевиковъ, которые полагали, что они большими силами располагаютъ въ фабрично-заводскомъ населеніи Москвы.

Безъ сомнѣнія, положеніе располагающей большинствомъ въ Думѣ партиі социалистовъ-революціонеровъ будетъ весьма тяжелое и отвѣтственное, особенно въ настоящее время, когда городъ испытываетъ громадныя финансовыя затрудненія, а отовсюду идутъ повышенныя требованія, когда налицо значительныя продовольственныя затрудненія, недостатокъ топлива, жилищъ и т. д., а въ избирательную кампанію такъ много дано всякихъ обѣщаній, которыя теперь придется реализовать...

Какъ отразятся результаты выборовъ на московскомъ городскомъ хозяйствѣ? Это вопросъ серьезный и важный. Но, насъ сейчасъ занимаетъ не этотъ вопросъ. Москва своимъ вотумомъ сдѣлала большое дѣло, она вынесла приговоръ анархо-большевистскому теченію. Москва не пошла за этимъ теченіемъ; не сказала, что война должна прекратиться, во чтобы то ни стало, что вмѣсто наступленія должны продолжаться позорныя братанья; не сказала, что повинovenія Временному Правительству не должно быть, что сила должна попираеть право; не дала опоры захватнымъ стремленіямъ. Москва высказалась за порядокъ, за законность, за Учредительное Собраніе, а не за большевистскую захватную политику.

Н. Горданскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наиболѣе выдающимся явленіемъ изъ области международныхъ отношеній нужно считать опубликованное Временнымъ Правительствомъ сообщеніе о созывѣ въ іюль мѣсяцѣ особой конференціи союзниковъ по балканскимъ дѣламъ. Обстоятельства, послужившія поводомъ для этой конференціи, не представляются намъ особо ясными. Правительствоное

сообщение ссылается на «особую сложность» балканских дѣлъ, вынуждающую согласовать взгляды союзниковъ на балканскую политику. Когда на дипломатическомъ языкѣ говорятъ о «сложности» и о «согласованіи», публика обычно разумѣетъ, что дѣло въ чемъ-то неладно, что произошли какія-то тренія, по крайней мѣрѣ, разногласія. Правительственное сообщеніе какъ-будто и указываетъ на эти разногласія. Дѣло идетъ о греческомъ вопросѣ. «По этому вопросу говоритъ Временное Правительство,—«мы не могли не отнестись иначе, какъ отрицательно, къ способу, посредствомъ котораго произошла замѣна одного короля другимъ. Конечно, мы руководились при этомъ не желаніемъ поддержать короля Константина, личную политику котораго мы всецѣло осуждали, а недопустимостью вмѣшательства во внутреннія дѣла греческаго народа. Это и побудило насъ сдѣлать соответствующее возраженіе и отказаться отъ участія нашихъ войскъ въ южно-греческой экспедиціи».

Преувеличенное благородство можетъ быть иногда смѣшнымъ. Въ особенности это можетъ случиться въ запутанныхъ международныхъ дѣлахъ. Мы опасаемся, что исторія упрекнетъ Временное Правительство въ донъ-кихотствѣ, ибо въ его отношеніи къ Греціи истиннѣ проглядываетъ нѣкоторая преувеличенность благородныхъ жестовъ. Вспомнимъ, какъ сложился греческій вопросъ. Греція очутилась въ сферѣ военныхъ дѣйствій и силою вещей должна была занять опредѣленную позицію въ міровой драмѣ. Несомнѣнно, что часть греческаго народа, съ Венизисомъ во главѣ, требовала этого опредѣленнаго положенія и стремилась къ нему. Но иное хотѣлъ король Константинъ, симпатіи котораго всецѣло были на сторонѣ Германіи. Вотъ это-то и создало особую запутанность греческаго вопроса. Союзники не могли объявить войну народу, въ которомъ не видѣли врага. Имъ оставалось объявить войну *правительству этого народа*. Какія-то сложныя и темныя причины, однако, противодѣйствовали объявленію и этой войны. Король Константинъ могъ быть низложеннымъ давно, если его терпѣли, несмотря на недвусмысленно враждебное отношеніе къ союзникамъ, то терпѣли изъ-за какихъ-то особыхъ соображеній. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что одной изъ существенныхъ опоръ Константина былъ старый царскій Петроградъ. Царь Николай не могъ симпатизировать германской политикѣ Константина, но могъ ли онъ способствовать его низложенію? Характерно, что низложеніе это и произошло послѣ паденія царскаго престола въ Россіи. Что же теперь случилось? Опять Петроградъ поддерживаетъ старый режимъ въ Греціи, ведетъ ту же старую линію политики. Нельзя сказать, чтобы это было благородство, которое можетъ быть оцѣнено нашими союзниками. Мы не знаемъ, что думаютъ и говорятъ греки, но было бы всего курьезнѣе, если бы петроградскій благородный жестъ и для нихъ прошелъ даромъ.

Въ сообщеніи Временнаго Правительства, указывается что предстоящая балканская конференція находится въ связи съ работами предстоящей общей конференціи, къ подготовкѣ которой правительство уже приступило. Въ газетахъ справедливо указывали, что мы поспѣшили созвать балканскую конференцію до общей изъ-за «необходимости скорѣе утишить ропотъ партій, которыя насильственное разрѣшеніе союзниками затаеннаго греческаго кризиса сочли обидой для

исповѣдуемыхъ ими международныхъ политическихъ принциповъ». Поэтому можно полагать, что балканская конференція не столько вызвана внѣшними осложненіями, сколько внутренними условіями нашей политической жизни.

Замѣчательна та разница настроеній, которая раздѣляетъ въ области международной политики молодую русскую демократію отъ западныхъ. Съ точки зрѣнія Временнаго Правительства, допустимо ли вмѣшаться во внутреннія судьбы Германіи, разъ оно отказалось вмѣшаться въ судьбы Греціи? Повидимому и Германіи придется «самоопредѣлиться» — оставить у себя Вильгельма или его свергнуть. Другимъ языкомъ говоритъ опубликованный на прошлой недѣлѣ меморандумъ бельгійскихъ социалистовъ. «Что касается мира съ народами центральныхъ державъ, послѣ того какъ они освободятся отъ власти самодержавія *по своему ли собственному почину или благодаря намъ*, то по этому поводу мы имѣли случай изложить наши взгляды передъ петроградскимъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ». Бельгійцы не боятся сказать, что благодаря имъ можетъ пасть тронъ Вильгельма. Названный бельгійскій меморандумъ еще разъ можетъ убѣдить, сколь далеко отодвинулись мирные планы, выполненіе которыхъ возлагалось на будущую Стокгольмскую конференцію. «Мы не представляемъ возможности какого-нибудь прочнаго мира съ Гогенцоллернами и съ Габсбургами, пока они сохраняютъ всю полноту принадлежащей имъ власти. Если бы такой миръ былъ навязанъ человечеству, то онъ могъ бы привести только къ усилению и дальнѣйшему распространению владычества тирановъ, что повлекло бы за собой новую войну, которая поглотитъ, быть можетъ, всѣ свѣжія силы цѣлаго поколѣнія людей и приведетъ къ небывалому застою всей культурной жизни, какъ матеріальной, такъ политической и моральной». Съ особой силой меморандумъ борется съ тѣми настроеніями, которыя популярны у насъ въ Россіи. «Наиболѣе опаснымъ въ настоящій моментъ является то, что мы видимъ, какъ свободныя страны, уступая чувству усталости, готовы принять ненадежный миръ, миръ, который не разрѣшитъ тѣхъ жизненныхъ вопросовъ, которые теперь поставлены на очередь. *Мы считаемъ, что, идя на такой миръ, мы измѣнили бы нашимъ социалистическимъ убѣжденіямъ*».

Бельгійскій меморандумъ содержитъ цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ указаній на условія будущаго мира. Довольно суровой критикѣ подвергаетъ онъ нашу формулу «миръ безъ аннексій и контрибуцій», находя ее широкой и неопредѣленной. Онъ требуетъ, чтобы къ обсужденію условій мира были привлечены широкія народныя массы. «Нельзя допустить,—говоритъ онъ,—чтобы нѣкоторыя, фиктивно дѣйствующія партіи стали вести переговоры не при полной огласкѣ, на частныхъ совѣщаніяхъ, и заняли при обсужденіи вопроса мѣсто представителей рабочихъ классовъ, дѣйствительно заинтересованныхъ въ дѣлѣ мира». Съ величайшей похвалой отзывается меморандумъ о тактикѣ меньшинства германской с.-д. «Мы съ радостью отмѣчаемъ, что мнѣніе германскаго меньшинства: Гаазе, Бернштейна, Кауцкаго въ этомъ вопросѣ совпадаетъ съ нашей точкой зрѣнія и мы считали бы, что мы не исполнили нашего долга, если бы мы здѣсь не выразили всего нашего восхищенія передъ ихъ смѣлостью».

Это мнѣніе меньшинства дошло до насъ, наконецъ, въ его официальной формулировкѣ. Германскій меморандумъ требуетъ *немедленнаго заключенія мира*. Нельзя не привѣтствовать этого требованія, когда оно исходитъ отъ народа, вдохновлявшаго европейскій милитаризмъ и создавшаго культъ военной силы въ Европѣ. Меморандумъ требуетъ, далѣе, договора о всеобщемъ разоруженіи. Онъ настаиваетъ на созданіи новыхъ основъ международной политики. «Мы требуемъ самой полной свободы передвиженій и международной торговли и неограниченной свободы эмиграціи. Мы отвергаемъ экономическую изолированность, также экономическую борьбу государствъ». Германская с.-д. требуетъ полной демократизаціи международной политики, отвергаетъ милитаризмъ и націонализмъ, настаиваетъ на организациіи особой международной власти въ будущемъ союзѣ европейскихъ государствъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что спорныя права всѣхъ обиженныхъ національностей находятъ въ меморандумѣ полное признаніе. Словомъ, дѣйствительно приходится поражаться смѣлостью и честностью этой небольшой группы людей, оставшихся трезвыми среди всеобщаго опьянѣнія современной Германіи. Когда весь германскій народъ заговоритъ такъ, въ Европѣ будетъ прочный миръ.

Н. Н.

ОДНА ИЗЪ ОЧЕРЕДНЫХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫХЪ ЗАДАЧЪ.

(Безпартійные демократическіе клубы).

Никогда еще бездна народной темноты не казалась такой зловѣще-угрожающей.

Когда въ полусознательныя, встревоженныя непривычной обстановкой толпы бросаются зажигательные заманчивые призывы, упрощенные и фальсифицированные проекты социальнихъ реформъ, приноровленные къ темнымъ инстинктамъ политическіе лозунги,—тогда невѣжество массъ, только что выступающихъ въ отвѣтственную минуту на арену гражданской дѣятельности, оказываетъ рѣшительное вліяніе на политическую обстановку.

Невѣжество массъ становится политическимъ факторомъ, который искусно учитывается анархическими и контръ-революціонными элементами.

Несомнѣнно, что и культурныя силы страны, мобилизующіяся для борьбы съ народной темнотой, должны стремиться къ тому, чтобы просвѣтительная работа приняла такія формы, которыя могли бы какъ можно скорѣе сдѣлать просвѣщеніе могучимъ политическимъ факторомъ.

Распространеніе элементарныхъ политическихъ знаній, заставивъ народныя массы внимательнѣе, спокойнѣе относиться къ различнымъ проектамъ социальнаго и политическаго строительства и способствуя выработкѣ критическаго политическаго мышленья, должно сыграть огромную роль. О важности этой задачи говорить не приходится.

Но врядъ ли достаточно осознана культурными, а слѣдовательно и отвѣтственными въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, кругами общества огромная спѣшность этой задачи.

Широкая фанатическая агитація, влекущая темныя толпы на путь анархіи, все усиливается и расширяется.

Срокъ созыва Учредительнаго Собранія назначенъ.

И теперь приходится доказывать не необходимость, а неотложную спѣшность культурной работы.

При этомъ просвѣтительная работа должна принять такія формы, которыя могутъ дать немедленные результаты.

Противопоставляя безпартійную просвѣтительную дѣятельность партійной агитаціи, необходимо имѣть въ виду, что сейчасъ просвѣтительная работа должна носить не спокойно-академическій характеръ, но быть дѣйственной, приближаться къ тѣмъ «задачамъ дня», которыя являются вмѣстѣ съ тѣмъ и историческими задачами политическаго строительства Россіи.

Но использованы ли всѣ пути для скорѣйшаго достиженія этихъ цѣлей?

Помимо широкой издательской и лекціонной дѣятельности, возникаетъ для культурныхъ круговъ общества необходимость болѣе близкаго воздѣйствія на широкія народныя массы, болѣе тѣснаго съ ними соприкосновенія, болѣе регулярнаго общенія.

Безпартійная просвѣтительная дѣятельность должна вырвать у партійной агитаціонной дѣятельности монополію на живой, постоянный, тѣсный контактъ съ народными массами.

Необходимо распространеніе по всей Россіи соотвѣтствующаго типа культурныхъ организацій.

Таковыми организаціями должны явиться безпартійные политическіе просвѣтительные клубы, объединяющіе, на широкой демократической платформѣ вокругъ отдѣльныхъ группъ интеллигенціи, широкія народныя массы.

Постоянно отмѣчаемая жажда знанія и просвѣщенія въ рабочей, солдатской и крестьянской средѣ является полной гарантіей успѣха для этого вида просвѣтительной дѣятельности.

Политическіе клубы, немыслимые въ Россіи при самодержавномъ строѣ, возникаютъ теперь въ большомъ количествѣ. Но почти всѣ они безъ исключенія носятъ узко-партійный характеръ. Партіи умѣло учли это могучее средство для вліянія на широкія народныя массы,—средство, неоднократно provato исторіей революцій.

Поборники элементарнаго безпартійнаго политическаго просвѣщенія не должны упускать изъ виду эту форму просвѣтительной дѣятельности.

Она отличается большой гибкостью и приспособляемостью, позволяющей соединять работу политическую съ разнообразными культурными задачами. Она открываетъ прямой доступъ къ народнымъ массамъ, охотно посвящающимъ часы отдыха пребыванію въ клубѣ, гдѣ есть газеты и книги, гдѣ устраиваются общеобразовательные курсы, гдѣ возможенъ живой обмѣнъ мнѣній.

Клубъ, легко объединяющій массу различныхъ начинаній и различныхъ кружковъ, легко можетъ стать культурно-просвѣтительнымъ центромъ даннаго района. При немъ съ большой легкостью и вполне естественно при ходѣ работы группируются и создаются тѣ кадры инструкторовъ и лекторовъ, безъ которыхъ немыслимо широкое руководство массами, и которые должны явиться посредниками между представителями науки и литературы,—иниціаторами клубовъ,—и широкими кругами населенія.

Безпартійные просвѣтительные клубы должны явиться такой средой, въ которой найдеть оцѣнку, поддержку или отпоръ любая политическая агитація. Понятна та роль, которую могли бы сыграть въ политической жизни страны такія просвѣтительныя организации.

Эта форма организациі можетъ возникнуть по частной или общественной инициативѣ и способна существовать только при условіи духовной и материальной поддержки со стороны культурныхъ слоевъ общества.

Партійные демократическіе клубы имѣютъ успѣхъ; очередь за беспартійными клубами, которые, несомнѣнно, могутъ явиться одной изъ новыхъ формъ культурно-просвѣтительной работы.

Намѣчая въ общихъ чертахъ идею беспартійныхъ демократическихъ клубовъ, слѣдуетъ указать, что задача ихъ насажденія можетъ быть разбита на двѣ части.

Прежде всего необходимо выработать форму организациі, очертить кругъ ея задачъ, разработать программу, затѣмъ осуществить ее на практикѣ въ видѣ созданія образцоваго культурно-просвѣтительнаго клуба въ Москвѣ.

Созданіе такого «показательнаго» клуба въ центрѣ страны могло бы явиться началомъ возникновенія сѣти подобныхъ клубовъ во всѣхъ значительныхъ центрахъ Россіи.

Б. Савиничъ.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

БРОШЮРЫ:

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 к.
2. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Два русскихъ учредительныхъ собранія (1613 и 1917 гг.). Ц. 30 к.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 г.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Демократическая организациія армии. Ц. 30 к.

ПОЯВЯТСЯ ВЪ БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.

7. ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое социализмъ?
8. ПРОФ. В. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ.
9. В. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ смутное время.
10. ПР.-ДОЦ. С. Ф. КЕЧЕКЪЯНЪ. Что такое свобода.
11. ПРОФ. Е. В. СПЕКТОРСКИЙ. Что такое конституція.
12. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа.
13. ГЕОРГІИ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакунинъ и современный „большевиизмъ“.
14. ПРОФ. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. ПР.-ДОЦ. Н. Н. ФИОЛЕТОВЪ. Церковь и государство.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда съ солдатами.
17. ПРОФ. А. А. СОБОЛЕВЪ. Земельный вопросъ.
18. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Пропорціональные выборы.
19. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Что нужно знать каждому русскому гражданину объ учредительномъ собраніи.
20. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика.
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКИЙ. „Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками“.
23. ВЛ. ОСТРОВСКИЙ. Прямое народное законодательство.

Адресъ конторы издательства: Москва, В. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-56.

Граждане!

Подписывайтесь на Заемъ Свободы.

„Народный Вѣстникъ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКАЯ
и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

1 мѣсяць 1 руб. 3 мѣсяца 2 руб. 6 мѣсяцевъ 4 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера 15 коп.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦИИ:

Москва, Газетный пер., домъ 3, кв. 5. Тел. 2-54-56.

Съ 1-го Іюля открывается подписка на газету
„ЗЕМЛЯ“
подъ редакціей С. С. Кондурушкина.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ и СОТРУДНИКИ: Г. П. Васильевъ, О. Волькенштейнъ, Л. Я. Гуревичъ, Я. Я. Гуревичъ, В. В. Каррикъ, В. В. Киселева, С. С. Кондурушкинъ, И. М. Кригаль, Э. Ф. Лесгафтъ, П. В. Мокіевскій, В. Н. Тукалевскій, А. М. Хирьяковъ, В. В. Чешихинъ, Вяч. Я. Шшиковъ, А. К. Янсонъ.

Газета ставитъ себѣ задачей призывать трудовую Россію къ созидательному творчеству и укрѣплять въ сознаніи народа завоеванный новый строй.

Первое время «ЗЕМЛЯ» разсылается для ознакомленія **БЕЗПЛАТНО** во всѣ кооперативы Россіи, волостные комитеты, на фронтъ, а отдѣльнымъ лицамъ по заявленіямъ въ контору.

Подписная плата за 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс. 2 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.

Полугодовые подписчики (съ 1 іюля по 31 дек. 1917 г.) получаютъ до конца года бесплатно 12 книжекъ слѣдующаго содержанія.

1) Толковый словарь (пособіе при чтеніи газетъ)—С. С. Кондурушкинъ.	7) Хлѣбная монополія — В. В. Каррикъ.
2) Учредительное Собраніе и его задачи Н. Н. Киселевъ.	8) Волостное самоуправленіе—А. К. Янсонъ.
3) Земельное устройство въ Россіи.	9) Чѣмъ богата и бѣдна Россія — Э. Ф. Лесгафтъ.
4) Царь или предсѣдатель — А. М. Хирьяковъ.	10) Кооперациія —В. Н. Тукалевскій.
5) Права человѣка и гражданина— Я. Я. Гуревичъ.	11) Свободная школа и ея задачи— Г. П. Васильевъ.
6) Самоуправленіе отдѣльныхъ частей Россіи—П. В. Мокіевскій.	12) Какъ дѣлали революцію другіе народы.

Въ отдѣльной продажѣ эти книжки будутъ стоить 3 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, улица Жуковскаго, 24.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія при Временномъ Комитетѣ Государственной Думы.